

В верховьях Пинеги, на Вые, прошло детство В. Е. Страхова. В двадцатых годах, будучи членом Архангельского губисполкома, он несколько раз бывал в Пинежье. В начале тридцатых годов приезжал сюда как журналист. За последние десятилетия неоднократно путешествовал по Пинеге в лодке-осиновке. В 1960 году путь в лодке от Керги, первой деревни в верховье реки, до запови в устье Пинеги пройден им вместе с Н. Федоровым. Последний раз В. Е. Страхов путешествовал по Пинеге в 1962 году.

Знакомство с Пинежьем, с его людьми, на протяжении длительного времени, начиная от предреволюционных лет и кончая последними годами, позволило автору отобразить происшедшие здесь перемены, борьбу пинежан за коммунистическое строительство на основе богатого фактического материала. Автор знакомит читателя с природой этого края, его богатствами, размышляет о путях и условиях дальнейшего расцвета Пинежья.

Виктор Евгеньевич Страхов — член Союза советских журналистов.

ПО МАРШРУТУ ПРИШВИНА

НА ОСИНОВКЕ

Из лесных болот, расположенных в сотне километров к северу от Котласа, вытекают две маленькие речушки: Черная и Белая. Свои названия получили они от болот. На Пинеге болота, поросшие преимущественно ельником, называют «черной радой», а покрытые низкорослым сосняком, — «белой радой». Отсюда и названия речек — Черная и Белая. Пропетляв лесом километров по тридцать, эти речки сливаются. От их слияния и начинается река Пинега.

Дорога в верховье Пинеги идет из Верхней Тоймы — пристани на Северной Двине. Отсюда до Керги, первой деревни на берегу Пинеги, девяносто километров.

По этой дороге в 1896 году ехал в почтовом тарантасе художник В. В. Верещагин. Он совершал путешествие по Северной Двине, интересуясь древнерусским совершенным зодчеством.

В те времена, когда ехал Верещагин, то есть более шестидесяти лет назад, пинежский тракт, по словам художника, был «ужасной лесной дорогой, которую нельзя не только описать, но и представить... Всю жизнь буду чувствовать следы езды по пинежским болотам...»¹.

¹ Верещагин В. В. На Северной Двине. М., 1898.

В 1935 году по этому же тракту ехал верхом на лошади до реки Пинеги, а затем спустился в лодке вниз по течению М. М. Пришвина. Влекла его сюда «страстная любовь к лесу». В итоге поездки писателя появился «Северный лес», чудесное повествование о любви Пришвина к природе, о переменах в лесном краю. Многие названия в книге соответствуют наименованию пинежских географических пунктов: «Усть-Илеша», «Лавела», «Явзора» и др. Путь из Верхней Тоймы на Пинегу писатель не рискнул преодолеть в телеге: тогда по тракту прошел первый трактор, «сокрушив много мостов...»

В наше время пассажиры из Верхней Тоймы в верховье Пинеги летают по воздуху. Самолеты делают регулярные рейсы. Конечно, удобней меньше часа находиться в воздухе, чем три дня шагать по болотистым участкам пути. Поэтому многие предпочитают воздушный путь. Мне же пришлось дважды идти пешком из Верхней Тоймы в верховье Пинеги. И должен сказать, что пешеходный маршрут в этих местах очень интересен для туристов.

На первых двадцати пяти километрах дорога не раз близко подходит к реке Верхней Тойме, а у деревни Сухой Нос пересекает ее. Этот участок дороги благоустроен, и по нему в деревни Вершинского сельсовета ходят грузовые автомашины. Путь лежит по живописной местности. С холмов видна голубоватая лента реки, обрамленная узкой нежно-зеленой полоской лугов. К ней примыкает темный хвойный лес.

Вершинские деревни расположены в ложбине и по холмам, склоны которых покрыты лесом и полями. На высокой точке местности стоит деревня Мила. За несколько километров до нее дорога постепенно поднимается на возвышенность, а перед самой деревней — крутой высокий подъем в гору. На склонах горы волнами переливаются хлеба. У основания ее поля примыкают к стене темно-зеленого леса, который на далеком горизонте постепенно переходит в синеватую дымку... Бескрайние лесные просторы Севера!

Дорога от Милы до Керги идет по ненаселенной местности. Для остановки путников на этом шестидесятикилометровом участке стоят избы в Половине, в Тальце и Звое. Здесь можно попить чаю, купить молока и выслушать жалобу на то, что «совсем мало стало на дороге ходоков и ездовых, все стали летать...» В Тальце вам обязательно предложат попробовать чудесную ключевую воду. Природный «автомат» действует безотказно круглый год.

Рыбак на осиповке.

Звозские избы стоят на берегу Охтомы, притоке Пинеги. Одну из глав в «Северном лесе» Пришвин так и озаглавил — «Избушка на Охтоме». Писатель останавливался в домике Анатолия Губина. И хотя только один раз за свою жизнь бывал здесь М. М. Пришвин, Евфимия Осиповна, жена Губина, с гордостью говорит об этой встрече со знатным гостем:

— Михайло Михайлыч уж каждый раз, как едет на Пинегу, у нас останавливается. Каждый раз!..

Через три километра от Звоза, тоже на берегу Охтомы, стоит поселок Ламбаз. Это — центр крупного механизированного лесопункта Выйского леспромхоза. Здесь у кустарей можно купить лодку и начать речное путешествие по Охтоме. Через три часа плавания лодка выйдет в Пинегу, выше деревни Керги. От Ламбаза можно идти и пешим путем. Керга от этого поселка в тринадцати километрах. Лодку можно приобрести и здесь. Тогда водный путь по Пинеге начнется от первой деревни на берегу этой реки.

В южных районах страны, как и на больших реках Севера, лодки обычно сколачивают из досок, «шьют». В верховьях Пинеги речное суденышко делают иначе. В толстом осиновом бревне, длиною три-четыре метра, выдалбливают корыто. Концы его суживают. Эту «посудину» держат — распаривают — на огне. Края корыта широко расходятся, и оно принимает форму челнока.

На такой лодке-осиновке особенно удобно продвигаться против течения по мелким порожистым речкам Пинежского бассейна, отталкиваясь от дна шестом. Уключин и весел для гребли на осиновке нет. Плывя вниз по течению, движение можно ускорять на мелком месте шестом, на глубоком — веслом, которое служит и для управления лодкой.

На протяжении более семисот километров Пинега имеет множество притоков. Слева в нее впадают Охтома, Выя, Сура, Покшеньга, Немнюга, Поча, Сояла, Паленьга. Справа — Илеша, Шоча, Нюхча, Явзора, Шарда, Ежуга, Чуплега. Кроме этих рек, в Пинегу впадает около полутора десятка мелких речек, вроде Ябы, Кыспалы, Мутукурки, Юбры. Все они только весной и после ливневых дождей бывают полноводными. В сухое лето эти речки так пересыхают, что их можно легко перешагнуть даже в устье. Питают воды Пинеги и многочисленные ручьи, с рокотом выбегающие из лесных оврагов. Часто на темном фоне отвесных берегов можно заметить струйки слабеньких родничков. Особенно их много в районе Шочи. Самый большой родник с мощной струей находится на берегу у села Чаколы. К нему подведен желоб, и чистейшая холодная вода льется водопадом.

Бассейн Пинеги с ее многочисленными притоками занимает территорию в сорок три тысячи квадратных километров. Это почти в полтора раза больше Бельгии и равно площади Дании. Вот он каков — Пинежский край!

Начало пинежских притоков близко сходится с истоком рек, впадающих в Северную Двину, Мезень и Вашку. Так, почти сходятся верховья мезенской и пинежской Ежуг. Пинежская Юла и ее некоторые притоки берут начало из одних болот с двинскими притоками — Нижней Тоймой и Ваеньгой.

Одноименное название притоков разных рек (три Ежуги, две Покшеньги) можно объяснить тем, что землепроходцы, первые охотники не могли отличить две-три реки и принимали их за одну. Могло быть и так, что они угадывали отличие рек, но из-за соседства их истоков давали одинаковое название. Но любопытно, что у крупного пинежского притока Выи есть тезка на Урале, приток реки Тагилки; и у северной Тоймы имеет-ся тезка в бассейне Камы.

Около села Пинеги небольшой водораздел отделяет русло реки Пинеги от Кулой, впадающего в Белое море. Северное направление Кулой соответствует направлению Пинеги на подходе ее к водоразделу. Создается впечатление, что Кулой яв-

ляется прерванным продолжением Пинеги. Отсюда и высказывалось предположение, что в очень древние времена Пинега впадала не в Северную Двину, а по кулойскому руслу — в Белое море, современное же ее русло ниже водораздела образовалось позднее.

Вопросом направления Пинеги интересовался ученый В. Рамзай. Он пришел к выводу, что Пинега и раньше впадала в Северную Двину. Но во время второго оледенения Двина (близ нынешнего устья Пинеги) была подпружена ледником, по крайней мере, на четырнадцать метров. Старый путь Двины в море оказался перекрытым. Река устремилась в океан через нижнее течение Пинеги и через Кулой. Когда оледенение закончилось, пробка на Двине исчезла, все реки пошли своим старым руслом.

...Осиновка идет по извилистому руслу Пинеги. В редких местах река видна дальше, чем на полтора-два километра. Исключительным плесом является участок между Явзорой и Летополом, где открывается вид по реке на шесть километров. Меньше извилиста река ниже села Пинеги. Повороты под очень тупым углом позволяют видеть с реки бывший Красногорский монастырь за пятнадцать километров.

На поворотах реки часто к одному из берегов намыт мыс чистейшего песка. Едва ли где можно встретить такой идеально чистый пляж! Разумеется, здесь не найдете ни коробок «Беломорканала», ни консервных банок. Не встретите даже следа человеческой логи. Только птичка трясогузка оставила отпечатки своих лапок. Однако надо сказать, что купание в жаркий день, вместе с наслаждением от погружения в прохладную и чистую воду, принесет и огорчение: на тело набросятся оводы и слепни. Спаситься от них можно. Следует лишь погрузиться в воду по горло, отчаянно махать над головой руками — и победа обеспечена. В этом мы убедились.

На реке довольно часто встречаются каменные пороги и песчаные перекаты. Вода по ним устремляется с большой быстротой. Надо иметь хорошее зрение, зоркий взгляд, способность быстро ориентироваться и ловко владеть рулевым веслом, иначе осиновка налетит на скрытый под водой большой камень. Если лодка стукнется о него бортом, она может перевернуться. Аварии с нашим «кораблем» не случилось. Но нередко лодка прыгала на быстром течении, касаясь каменной или песчаной мели.

Большинство порогов и перекатов носят названия дере-

вень — Репещанский, Прокшинский, Кушкопальский и т. д. У деревни Пепино три переката. К названию Пепинский перекат добавляется: верхний, средний, нижний. Иногда названия перекатов говорят о их признаках, особенностях — Гремячий (у Верхней Паленьги), Камешник (у Леунова).

Названия некоторых порогов произошли по другим обстоятельствам. Около деревни Демьяново, например, есть порог Пьяный. В старое время, когда для лесопромышленников крестьяне сплавляли бревна в плотях, артелям редко удавалось пройти этот порог благополучно и не сесть на мель. Чтобы ликвидировать аварию, сплавщики бродили в холодной воде, делили плоты на плитки. При этом ведро водки было их обязательным спутником. Отсюда и укоренилось за порогом название Пьяный.

Недалеко от Кучкаса известен порог Ленивый. В старину говорили: неповоротливый, ленивый плотовод не пройдет через порог, чтобы не сесть на мель. И так и прозвали порог Ленивым.

Есть на Пинеге и перекаты. Один из них, между Юброй и Водогорами, речники называли... Дарданеллы. Такого громкого имени он удостоился, наверное, за очень узкий проход.

Песчаные перекаты иногда пересекают поперек всю реку. Трудно заметить глубокое место, чтобы не сесть на мель. Чаше фарватер проходит у самой кромки одного из берегов. Нередко приходилось выходить из лодки и тащить ее по песчаному дну. На перекатах, которые образовались давно, песок слежался. Плотное дно служит хорошей опорой для ног. На молодых перекатах, на так называемых «седунах», дно рыхлое. Перенесть за борт лодки ногу, поставишь ее на дно, и она погружается так глубоко, что за голенище сапога, если не догадался вовремя снять, вместе с водой набирается песок.

Июль шестидесятого года был исключительно мелководным. Около месяца не было ни капли дождя. Но не только из-за мелководья оказывалась наша лодка на мели. Дело было в том, что мы не обладали достаточной лоцманской опытностью. Правда, в верховьях Пинеги, выше Суры, куда пароходы идут только по весеннему половодью, более десяти лет назад обстановочный старшина Александр Васильевич Порядин, старый пинежский лоцман, поставил береговые створные знаки. И сейчас они резко выделяются белой краской на фоне зеленых лесных берегов. С благодарностью вспоминают весной речные капитаны пинежского пионера-путейца. Однако летом да-

же на лодке плыть по створным знакам в верховье Пинеги нельзя: часто линия по створам пересекает сухой песок.

Обстановка речного пути с расчетом на все лето существует ниже Карпогор. Вехи на реке, указывающие фарватер, по мере изменения его наносным песком, путевцы переставляют.

ОТ ПЕРВОЙ ДЕРЕВНИ...

Деревни на Пинеге, особенно в ее верховье, расположены очень неравномерно. От первой, Керги, тридцать километров по берегу заселены сравнительно густо. Это деревни Горковского сельсовета Верхне-Тоемского района. Центр его — в Сопре. Здесь есть почта и телеграф, контора Выйского леспромпхоза, средняя школа. Название сельсовету дала деревня Горка, центр бывшей Горковской волости Вологодской, а позднее Северодвинской, губернии.

От последней деревни Горковского сельсовета, Вадюги, до первой Выйского сельсовета — Демьянова по реке 85 километров. Между ними нет ни одной деревни. В устье Илеша и в Осяткине — лесные поселки. От Илешского поселка идут речные лодочные пути на лесные участки по Илеше и ее притоку Коде. Отсюда М. М. Пришвин в лодке, а затем пешком по лесному бездорожью и охотничьими тропами, с ночевкой у огня под елкой путешествовал в «чащу», в девственный лес. Этот поход он отобразил в главах «Северного леса» — «Кода», «Путык», «Сендуха», «Живые помощи».

Деревни Выйского сельсовета раскинулись на семи километрах пинежского берега и на десятки километров по берегам Выи. От Выи и до деревни Кучкас Пинежского района на протяжении шестидесяти километров вновь нет ни одной деревни.

Наиболее густо расположены деревни в районе сел Карпогоры и Пинега. Здесь некоторые селения разделены не лесными многокилометровыми пространствами, как в верховье Пинеги, а мелкими перелесками или только полями. Около села Пинеги некоторые деревни вплотную подходят друг к другу. Заселены и берега большого притока Пинеги — Покшеньги. Расположение населенных пунктов по берегам рек понятно.

В годы заселения лесного края реки были единственными путями сообщения.

Финско-чудские названия деревень чередуются с русскими: Чудиново и Хорнема, Репище и Лавела, Петрова Гора и Кеврола, Высокая Гора и Юбра, Михеево и Перенем, Заозерье и Сояла, Березник и Вешкома и т. д. Русский историк прошлого века В. О. Ключевский чередование на Севере селений с финскими и русскими названиями объяснял мирной колонизацией этого края русскими: на пространствах между старыми чудскими селениями поселялись русские и давали новым деревням свои названия. В ряде случаев, вероятно, так и было. Но не исключено и другое: русские занимали чудские поселки, сохраняя их старые названия.

Вызывает недоумение, почему многие лесные поселки на Пинеге, которые возникли на новых местах в советское время, получили нерусские названия: Кулосега, Шуйга, Ново-Лавела... Разве хуже звучит Сосновка — новый поселок выше Суры, или Красное — на Илеше!

У некоторых деревень существовало в прошлом, а в некоторых случаях сохраняется и теперь, двойное название: одно общепринятое, известное всему местному населению, другое — официальное. Вот, например, деревня Клинье на Вые. Такое ее название известно всем. Оно объясняется расположением селения на клину, образовавшемся при впадении Етчуги в Выю. В официальных же документах эта деревня известна как Степановская. Деревня Новинки в документах числится Белоусовской. Никто не назовет маленькую деревушку иначе, как Петрухино, а пишется же она — Жихаревская.

В центральной России такое различие в названиях можно бы было объяснить тем, что в прошлом деревни, принадлежавшие помещикам, получали официальное название по фамилии их владельца. Но на Пинеге не было крепостного права, крестьяне считались государственными. Однако можно предполагать, что наименования их закрепились по фамилиям воевод и старост, управлявших деревнями.

Многие деревни именуются по названию гор: Горка, Церкова Гора, Айнова Гора, Карпогоры, Марьяна Гора, Шеймогоры, Веегора, Высокая Гора, Водогора, Печгора, Труфанова Гора, Пильгоры, Петрова Гора, Шотогорка, Шотова Гора...

Некоторые деревни, расположенные поблизости и разделенные лишь ручьями, объединены одним названием, но каждая имеет и свое отдельное наименование. Вот, например, Марья-

на Гора. В состав этого большого селения входят: Спицино, Верхнее, Савино, Холм, Чуркино. Шотогорка состоит из деревень: Чуча, Заручей, Волость, Холм.

На первый взгляд деревни одинаковы. Но присмотришься — и у каждой заметишь свое лицо.

Против Суры на берегу стоит деревня Остров. Невысокий берег настолько ровен, что как будто спланирован бульдозером по точным геодезическим отметкам. Окна домов смотрят на реку. Рамы и косяки выкрашены в белый цвет. Белизна их на фоне почерневших стен старых домов выделяется особенно четко. Бросается в глаза и правильность линий, по которой вытянулась по берегу деревенская улица.

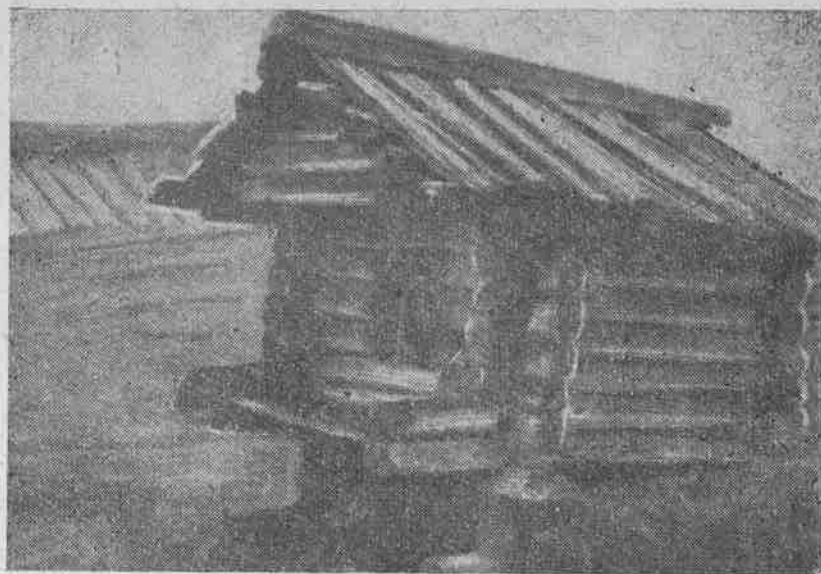
Но вот на склоне поднимающегося от реки берега расположена деревня Курба. Дома в беспорядке раскиданы по склону. Они стоят группками, а не выстроились в правильную линию.

На крутом высоком берегу Пинеги раскинулось большое село Нюхча. Над обрывом у реки виднеются паровая мельница, лесопилка, склады. Улицы села с жилыми домами не вышли на берег.

В деревне Каскомени впереди домов по кособокому берегу стоят баньки. Построив их на переднем плане, крестьяне преследовали хозяйственное удобство. Бани стоят ближе к реке — легче таскать воду. Черные бани уязвимы огнем и близкое расположение к воде облегчает борьбу с пожаром, создает большую гарантию, что «красный петух» не перелетит на другие постройки. Что же касается красоты архитектурного ансамбля, то, право, эти баньки не портят вида северной лесной деревни.

Не все селения, подобно Острову, Каскомени, Высокой Горе, Мутукурью и многим другим, вышли с постройками на самый берег. Некоторые расположены на значительном расстоянии от реки, отделены от нее заливным лугом. Луг примыкает к материковому берегу и образовался, вероятно, много поздней самого поселения.

Деревни Марьиной Горы, наоборот, стоят вдали от кромки материкового берега. Возможно, первые поселенцы хотели укрыться за лесом от речного пути, по которому могли проходить и недруги. Может быть, дальновидные предки оставляли полосу **высокого материкового берега незастроенной**, предвидя **постепенное подмывание его** внешней водой. Такой расчет был не лишним. Всего полсотни лет назад у деревни Окулово по берегу шла широкая дорога. Сейчас здесь дороги нет, ее смыла

«Избушка на курьих ножках» — клеть (амбар).

река. Угол одного дома, стоявшего ранее у дороги, повис над обрывом. Пришлось дом относить дальше от берега.

В старое время жилой дом, скотный двор, новель (надстройка над двором для хранения сена) строили под одну крышу. Это было удобно: в длинную и суровую зиму, не выходя из жилых изб на улицу, можно было легко попасть в хозяйственные помещения. С этой же целью в полу избы устраивали ход в «подполье», где хранили овощи.

При постройке не жалели ни лесу, ни труда, а жилье использовали скупо. В доме-«пятстенке», в двух избах, жили летом. Зимой эти избы не отапливали, крестьянская семья переходила жить в пристройку, в «малую избу». В лютые морозы у порога избы отгораживали место для новорожденных ягнят.

Дома, как правило, строили из толстых неокантованных бревен. Наружные стены оставляли круглыми, внутренние отесывали топором и выстрагивали. Еще в начале этого века на крышах домов можно было увидеть толстые плахи, вытесанные из целого бревна. Продольную пилу пинежане узнали позднее.

Ныне на постройку дома расходуется меньше лесоматериалов, но и дома получаются уютнее, и площадь их используется целесообразней. Зимовка в «малых избах» уходит в историю пинежского быта: в старых домах эти избы приходят в ветхость, к новым домам «малых изб» не пристраивают. Нет теперь нужды и в таких хозяйственных постройках, какие требовались единоличнику и составляли половину строения.

Нередко в деревне старый и новый дома стоят рядом. В старом по фасаду не менее шести маленьких окон. В одноэтажных домах окна расположены метра на два и более от земли. Безвестные умельцы украсили дома праздничной резьбой карнизов и балконов. Новые дома — маленькие. Четыре больших окна на передней стене поднялись от земли на метр. В новом доме небольшие, но вместительные комнаты, любой семье в них вполне достаточно места. Но внешний вид новых построек буднично скучен. Не найдете на доме никаких элементов красоты северного народного зодчества.

Характерный признак пинежских деревень, как и других северных, — это почти полное отсутствие деревьев. У редких домов увидишь черемуху. У большинства же — ни деревца, ни кустика. В большой Летополе только несколько деревьев радуют глаз. Растут они у школы. Не украшена деревьями и широкая улица Нюхчи, на которой расположены магазины и исполком. Голое место и на могиле героев гражданской войны. Единственная лиственница у крайнего дома в Каскомени представляет флору Пинеги!

Но вот что интересно: в деревне Высокая Гора на усадьбе Андрея Воденникова растет кедр. Да, кедр! Колхозник выкопал его около лесной дороги, что ведет в Плес, принес в деревню и посадил. Наверное, это единственный в пинежских деревнях кедр.

Как попал он на Пинегу? Возможно, шли по дороге с орехами, кинули несколько штук в сторону. Иначе объяснить появление одинокого кедра в пинежском лесу нельзя. Но кедр хорошо прививается на Пинеге. Сейчас по дороге из Сосновки в Сульцу пешеход обязательно увидит большую кедровую рошу. Несколько лет назад посадил ее лесничий Николай Иванович Зорин. Она хорошо принялась, кустится, но шишек еще не дает.

Пионерами древонасаждения в пинежских деревнях были учителя. Поэтому в селах деревья растут преимущественно у школ. Так, пятьдесят лет назад карпогорская учительница Раиса Сергеевна Рубцова посадила у своей школы рядок молодых

березок. Какие красавицы сейчас здесь растут! Марьегорскую школу также окружают березы и елки. Это дело рук учителя Степана Николаевича Томплова и его бывших учеников, дети которых теперь учатся в этой школе.

На улицах бывшего районного центра — села Пинеги и нынешней столицы Пинежья — Карпогор следы древонасаждения заметны, чего не скажешь о деревнях. Однако понять, почему в прошлом пинежская деревня не украшала себя черемухой, рябиной, березой, елкой, можно. Каждую пядь земли крестьянин с трудом отвоевывал у леса, рубил деревья, выкорчевывал пни. Кусок хлеба доставался ему тяжело. Где тут говорить о воспитании любви к древонасаждениям!

Зато сегодня трудно объяснить равнодушие людей к украшению своих сел зеленью. Новое поколение находит в лесу другую жизнь, интересную по труду, богатую по культурной и бытовой обстановке. И сегодня северный лес — не враг жителям лесных деревень! Он украшает, облагораживает их жизнь. Поэтому долг школы — помочь населению Пинежья понять богатый смысл озеленения их сел и деревень.

Туриста не может не интересовать вопрос о ночлеге. По Пинеге нет ни туристских баз, ни палаточных городков. Но даже не имея походной палатки, можно пойти ночлег там, где деревни расположены далеко друг от друга, а ночь или темная туча, обещающая ливень, грозят настигнуть туристов.

На берегах лесных рек стоят безлюдные избы. Двери в них открыты в любое время года и суток. Избы построены в старые годы. Сюда, за десятки километров от деревень, приплывали в лодках крестьяне, чтобы «ставить сено» на прибрежных лугах-наволоках. И теперь эти избы служат в сенокос жилье для колхозников. На устье Выманца, в Хмелеве, Глубоком, Кочусе, Лопатах и в некоторых других местах стоит по одной такой избе. Прось, Шилега, Хорнемские, Мутукурские избы — это летние поселки. Название избам дали или по местечку, где они стоят, или по тому, какой деревне они раньше принадлежали, или по фамилии прежнего владельца.

Меблировка сенокосных изб проста. Вдоль продыmlенных стен — широкие лавки. На них удобно спать. Иногда устроены нары. Из толстых, грубо отесанных досок сколочен стол. Его крышка — «книга посетителей»: на ней вырезаны инициалы тех, кто находил здесь гостеприимство. Окна маленькие, застеклены. На притоках Пинеги сохранились избы, в которых окна без стекол, закрываются деревянным щитком.

От внезапного дождя можно укрыться и под густым шатром елки. Но в проливной дождь это убежище небезопасно. Помню, в поездку с моим братом Борисом мы целую ночь спасались от дождя под елкой, не успев засветло доплыть до избы. В следующую поездку я увидел это дерево расщепленным ударом молнии и обгоревшим. Счастье, что молния выбрала эту ель после нашей ночевки!.. Нет, самое лучшее спасение от ненастья — изба! Пусть дождь барабанит по крыше, пусть шумит за стеной от дождевых капель листва: «над нами не каплет!» Впрочем, это не всегда так. В одной из Мутукурских изб однажды с трудом удалось найти место, где дождь не пробивал бы крышу и потолок.

...Вот солнце послало последние лучи на вершины высоких сосен, слегка позолотило их и ушло за край леса. Наступили августовские сумерки. Пора на ночлег. Осиновку причалили к берегу, с которого маленьким оконцем смотрит избушка.

Засветло запасли охапку дров, они здесь под ногами. Согнувшись, то ли входишь, то ли вползаешь в избушку через низкую дверь. Двигается она на деревянных креплениях и приветствует неимоверным скрипом. Совсем не приветливо тянут свою нудную песню комары. В каменку — печь, сложенную из камней, или сбитую из глины, уложили дрова. Скоро через все щели этой первобытной печи за клубился дым: трубы у печки нет. Не успевая выбраться на «улицу» через «дымник» — отверстие в стене под потолком, дым заполняет избу почти до пола.

Пока идет выкуривание комаров да просушивается сыроватый воздух в избе, на берегу, на огне готовится ужин и чай. Наступает вечер. Чувство какой-то приятной и совершенно безболезненной усталости овладевает всем твоим существом. Это «опьяняет» лесной воздух, которым дышишь от зари до зари. В лесу и на реке — полная тишина. Только изредка нарушит лесной покой всплеск крупной рыбы да шумный лёт утки. Но вот заплесала крышка на чайнике и чай, приправленный ароматом дымка, готов.

Прогорели в каменке дрова, вышел из избы дым, исчезли комары. И как чудесно тепло от нагретых камней после дневного путешествия и ужина на берегу, когда вместе с темнотой на землю спустилась прохлада. «Истинным раем» назвал Пришвин самочувствие на ночлеге в такой избе.

Какова дальнейшая судьба сенокосных изб? Вероятно, некоторые из них закончат свое существование после того, как колхозы откажутся от использования мелких и далеких участков

сенокоса и создадут интенсивное хозяйство в районе деревень. В других местах, возможно, наволоки будут расширены за счет кустов и мелколесья, и здесь для косцов и пастухов отгонных пастбищ будут выстроены лучшие избы. Это — в будущем. Но сегодня необходимы те избы, что есть. Ведь без сена, собранного с лесных сенокосов, на Пинеге пока нельзя хорошо вести сельское хозяйство. А без избы на отдаленных сенокосах трудно представить отдых колхозников.

Разрушение изб не временем, а руками выглядит безобразием. Четыре года назад с лесным рабочим А. А. Никифоровым из Кулосеги мы сидели на берегу Пинеге у лесной избы Лопаты. Ужинали и ждали, когда в избе протопится каменка. Горел костер. Дым прямым столбом поднимался выше елей и затем терялся в воздухе. Это радовало Никифорова, приехавшего заготавливать сено. Радовал и меня завтрашний путь при хорошей погоде.

Прогорел костер, угольки подернулись пеплом. Закончился ужин. Пошли отдыхать в избу на душистое сено, с благодарностью вспоминая тех, кто построил это удобное пристанище.

Вторично оказавшись в этих местах, я решил остановиться в Лопатах, пообедать и просушить промокшую под ливнем одежду, снаряжение и блокноты... Но каково же было мое удивление при виде избы! Одно окно без рамы, наскоро заколочено. В другом выбито несколько стекол, а вместо них торчат ключья сена. Лавки поломаны... И это в одинокой лесной избе! Кто и по какому поводу учинил здесь погром, лишив людей, пусть условного, но все же уюта?..

На берегах Пинеге, кроме сенокосных изб, стоят домики сплавщиков. Рабочие живут в них в период молевого сплава древесины. Избы открыты, в них можно останавливаться. Они благоустроенней сенокосных: печи с трубами, окна большего размера.

Комнаты для приезжающих можно найти и в лесных поселениях Осяткино, Сосновка, Ново-Лавела и др. И хотя мы с Николаем Федоровым не имели командировочных удостоверений, нигде не получали отказа в ночлеге. Кровати, убранные постельным бельем, после ночевки на сене в лесной избе, выглядели шикарными. Встречали нас с различной любезностью. Зоя Малеева в Осяткине хлопотала как радушная хозяйка. Уборщица комнаты в Шуйге любезно показала на плитку в комнате и на щепки, валявшиеся во дворе, ориентируя приехавших на полное самообслуживание.

В Карпогорах и Пинеге есть дома колхозника. Получить там летом место иногда не легче, чем в московских гостиницах. В Карпогорах не оказалось в комнатах свободных мест и нас поместили на повети (сеновале). Мы были очень довольны: в «номерах» было множество мух, душно, а на повети, кроме нас, находился только один петух и было много воздуха.

«НОЧЛЕГ С СОБОЙ НЕ ВОЗЯТ»

Народ на Пинеге приветлив, доверчив.

Подплываем к устью Выманца. Время к вечеру. Здесь намеряем ночлег. Недалеко от избы на берегу стоит с удочкой человек. (Хорош клев на тихой вечерней заре!) Слышим его реплику, обращенную к нам:

— Чайник на огне. Скипел!..

О приглашении на ночлег прямой речи нет. Но раз сообщается, что нас ждет чай, — этим сказано все. Какое же еще надо приглашение! Разумеется, именно здесь мы можем остановиться на ночлег...

Пинежане очень гостеприимны. Помню, застал меня вечер в одной деревне. Знакомых нет. Иду по улице, навстречу местный житель. Остановился и пригласил меня к себе. Это был Василий Романов, колхозный шофер. В безукоризненно чистой избе хозяйка быстро накрыла на стол. Появился шумящий самовар, яства. Приглашают к столу:

— Извините, сегодня не ждали гостей. Угощение не богато...

Утром к завтраку хозяйка напекла чудесных пинежских шанег. Угощали, как близкого гостя, хотя явился я к ним впервые и, собственно, не званым, а напросившимся. На прощание усиленно приглашали заезжать впредь.

На другом ночлеге, проснувшись очень рано, заметил, что хозяина Анатолия дома нет, хотя на работу в лес еще не время. Куда он исчез?

— Побегал с удочкой на реку. Не удастся ли поймать рыбку и угостить тебя свежиной, — ответила Прокопьевна, жена Анатолия.

Через час на сковороде лежали жаренные хариусы...

Трижды за последние поездки ночевал я в Окулове в доме Якова Замятина. Молодая хозяйка Клавдия Васильевна, встречая в последний раз, говорила:

— Да вы теперь стали нам, как родной...

Действительно, старого знакомого встречают здесь по-родственному, приветливо.

...Лодка плывет мимо сенокосных изб. Человек машет с берега рукой:

— Приворачивай закурить!

— Не курю-ю!

— Ну так чайку-у попить...

— Только неда-а-вно пил... Спасибо-о!

— Ну так просто побесе-е-довать!

Как же не привернуть «просто побеседовать», хоть остановка здесь и не предусмотрена!

Если поздний вечер застанет около деревни, а не вблизи сенокосной избы, испытываешь некоторую неловкость: надо людей тревожить, вернулись, может, с работы недавно... Но это чувство проходит, когда видишь искренне приветливую встречу.

Так было в Летополе. Поздним вечером подошла осиночка к деревне. Вытащили лодку на берег. Подошли к первому от реки дому. На просьбу пустить переночевать, дополненную извинениями за беспокойство, колхозница отвечала:

— Да что вы! Ночлег с собой не возят... Заходите, пожалуйста!

Сложней с ночевкой в деревнях, расположенных ниже села Пинеги. Там мы столкнулись с другими обычаями. Незнакомому человеку найти ночлег трудно. В нескольких домах Угзеньги мы получали отказ.

— У нас ребят много... Идите вон в ту избу, — сказали в одном доме.

В «той избе» встретили отказ по прямо противоположному мотиву:

— Одна я живу, не пускаю...

Выручил нас приветливый лесник Константин Рашев, представив нам ночлег в своем доме. Семья у него была не маленькая: четыре дочери, из которых старшей не было и пяти лет, а младшая недавно родилась. В доме была еще и пятая девочка, гостя из Москвы. Но все мы — и хозяйка и гости — не причинили друг другу неудобств.

В последние годы в гостеприимстве пинежских крестьян появилась трещинка. В одной из деревень мы видели сидящих

порога бани двух парней. Разговорились. Оказалось, парни приехали на работу в леспромхоз по вербовке, а теперь направлялись в районный центр, как они сказали, «по личным делам». Но никто в деревне на ночлег их не пустил.

Коренное население настороженно относится к новым пинежским жителям. И не потому, что они именно «новые», нет. Нашлись среди них такие, которые неблагоприятными поступками запятнали свою честь, подорвали доверие местных жителей ко всем, кто приехал честно работать на лесозаготовках Севера.

А злоупотребить доверием здешнего населения не трудно. В страдную пору многие дома пинежан пустуют — хозяева или в поле, или на сенокосе. Замок на дверях дома не висит. Нет и приспособления для него — ни колец, ни пробоев. У наружной двери по диагонали стоит лишь палка — «пристав». Это знак того, что в доме никого нет. Местные жители никогда не перешагнут через «пристав». Для честных людей этого «запора» вполне достаточно.

Летопольская колхозница Екатерина Ивановна, приглашая нас переночевать в своем доме, говорила: «ночлег с собой не возят». Но эта формула для туристов не совсем точна. «Ночлег» — в виде палатки — был у нас с собой. Пользовались мы им, однако, не часто, так как на остановках хотелось встреч с людьми, а ночлег в палатке обрекал на одиночество.

На первой ночевке в палатке мы были уверены, что утренняя прохлада поднимет нас очень рано. Прогноз в корне не оправдался. Поднял не холод. Ранним утром Никола категорически заявил, что спать в парусиновой палатке он больше не может: спину немилосердно жжет солнце. В следующий раз на берегу Нюхчи палатку установили так, что на восток, к восходящему солнцу, были обращены наши пятки...

Один из ярославских заводов проектирует выпуск для туристов катеров, которые будут оснащены брезентовой палаткой, дорожной газовой плитой, набором посуды из пластмассы, раскладными столиком и креслами из алюминия. «Счастливого пути!» — скажем мы туристам, вооруженным алюминиевыми креслами. Такие туристы будут чувствовать себя в походе, как дома, без отрыва от домашнего уюта и даже газа.

Но, нет. Есть свои прелести ночлега и в лесной избе, согретой теплом каменки, и в уютной палатке на сене. А уха, сваренная на открытом огне в задымленном котелке! А сервировка обеда на широких плахах или на толстом пне на берегу реки,

когда стены столовой раздвинуты до лесного горизонта! Хорошо плыть по Пинеге и в осиновой лодке. (Плыл я как-то в резиновой надувной лодке. И не столько плыл, сколько мучился. Неудобен, все же, этот вид транспорта, особенно для длительного плавания: течение несет медленно, так как лодка мало погружается в воду, а при встречном ветре путешествие совсем затруднено.)

...Работа веслом, пешеходные прогулки по лесу и наволокам, протаскивание осиновок на песчаных перекатах дают туристу разностороннюю физическую зарядку. А какую богатую закуску получает он, находясь почти от первых лучей солнца и до вечерних сумерек на чистом воздухе. Да каком чистом! — насыщенном ароматом леса, луговых трав, свежего душистого сена.

А сколько чудесного увидит турист в плавании по северной лесной реке! И тихую гладь речного плеса, в которой отражаются величественные лиственницы и островерхие древние ели. (Спокойное чистое изображение их в речном зеркале не хочется нарушать всплеском весла.) И озорные струи воды на каменистых перекатах, играющие обонять друг друга. И ручейки, выбегающие из глубоких лесных оврагов и по каменистым ступенькам спускающиеся к реке.

И красные отвесные берега у Едомы и Церковной Горы. Это обнажения красных глин древней Пермской системы, и трудно сказать, какие тайны хранят они в себе из истории земли. Ведь в таких же обнажениях профессор В. П. Амалицкий раскопал под Котласом древнейших парейазавров... Величественны утесы из белого, серого и розоватого гипса, в расщелинах которых растут большие деревья.

А как не полюбоваться закатом солнца, который расцветивает горизонт и яркими и нежными красками, кажется, всех оттенков спектра. Увидев эти чудеса заката на картине, усомнишься: не придумал ли художник эту фантастическую красоту. Очарователен блеск росы на утренней заре, когда ее капельки делают по-особенному свежими и яркими травы и цветы.

Все это прекрасно. Получена физическая зарядка. Испытываешь наслаждение, любуясь полной суровой обаянием северной природой. Но туристу нужно и поесть.

Мы не ставили опыта, можно ли проплыть по Пинеге, не имея с собой продуктов: питаюсь только дарами природы, как это делала группа туристов, путешествующая по сибирской реке, о чем писалось в «Огоньке». С собой мы имели набор пищевых концентратов, в которых в разных соотношениях были и кру-

пы, и вермишель, и горох, и мясо. Они отягощали наши рюкзаки при подъеме из лодки на ночлег, но облегчали приготовление блюд. Были у нас и бульонные кубики, о которых на заре их появления рекламировалось: «В мире есть бульонов миллион, но лучше всех из кубиков бульон». Кубики по весу и объему не были приметны в рюкзаках. Признаться, не особенно заметными оказывались они и в наших желудках.

А как же с ухой из рыбы собственного улова? Не мыслится же туристская поездка по реке без рыболовного крючка и ухи!

В предыдущие поездки по Пинеге этот вопрос решался довольно просто. В походе с братом Борисом в тридцать пятом году у нас была с собой сетка «ботанец». Она гарантировала рыбные яства. Правда, в эту сеть безотказно попадали только щуки, которые грелись на солнце в речной прибрежной траве. Для них и предназначена такая сеть. Возможной тогда на Пинеге была и увлекательная ловля хариуса с лодки на порогах. К леске прикреплялась искусственная мушка (якорек из крючков с привязанными к нему перышками). Якорьку не дают погружаться в воду, он прыгает по поверхности быстрины. Обманутый хариус делает в воздухе прыжок и метко хватается мушку. Это, как правило, последняя в его рыбьей жизни «закуска». После этого он, пройдя соответствующую кулинарную стадию, становится закуской рыбака.

В последние поездки вопрос рыбной ловли стал сложнее...

В районе Сосновки шел катер. На его носу стоял одетый в комбинезон человек. Через его плечи свешивались ремни чехла фотоаппарата, бинокля, полевой сумки. Сбоку висела кобура. Как только катер приблизился к нашей лодке, нам предложили пристать к берегу. Поняв, что имеем дело с представителем власти, подрулили к прибрежным камням. Сюда подплыл и катер. Человек подошел к нашему судну и отрекомендовался представителем рыболовного надзора. Указав на блесну, тянувшуюся за нашей осиновкой, он сказал, что Пинеге объявлена семужьим заповедником и ловля рыбы допускается лишь с берега и только обыкновенным рыболовным крючком.

Убедившись, что у нас нет сетей и бочек для засола рыбы, а, следовательно, улики промыслового характера отсутствуют, инспектор не конфисковал наше скромное орудие лова. В лодке, привязанной к катеру, лежали конфискованные сети. Были среди них и «ботанцы», которыми издавна на Пинеге в траве у берега ловят только щук. В свою первую поездку мы тоже пользовались ботанцом. Но теперь это орудие лова на Пинеге

запрещено, его относят к сетям. А напрасно: ботанцом ловят только в мелкой травянистой прибрежной полосе, где водятся щуки и куда семга не заходит.

Питание туристов вовсе не ограничено запасами, сделанными в городе. Не зависит оно также от рыболовных успехов и грибных удач. В крупных селах и лесных поселках есть столовые. В некоторых из них можно не только пообедать, но и в самые знойные дни, когда в городах стоят очереди за газированной водой, выпить холодного хлебного квасу. Нет, не пропадет на Пинеге турист, если даже его рюкзак пуст!

В поездку 1960 года мы прошли по Пинеге на осиновке от первой деревни Керги до Усть-Пинежской за пяти 675 километров. В пути находились двадцать семь дней, из которых двадцать — ходовых, семь заняли днёвки. Для передышки от сидения в лодке, работы веслом и таскания осиновки по перекатам днёвки были очень необходимы. Нужны они были и для знакомства с жизнью в колхозах и на лесопунктах. Да и в ходовые дни нередко устраивали многочасовые остановки в деревнях.

Чувствовали ли мы усталость? Да, иногда к вечеру охватывало это чувство, но оно проходило быстро. Были и происшествия, которые вызывали волнения и огорчения. Так, дважды я лишился очков. Близорукие поймут мои переживания. Один раз очки сползли с носа и упали за борт лодки. Стремительно выпрыгнув в воду, Никола подхватил очки прежде, чем их снесло быстрым течением.

Второй раз, сидя вечером на берегу с удочкой, снял очки и положил их на камень, так как за стекла залетали мошки. Но вот дрогнул поплавок. В сторону от него пошли круги. Затем поплавок скользнул раз, другой под водой и вдруг нырнул в глубину. Я сделал шаг, чтобы взмахнуть удилищем, и в тот же миг услышал пренеприятный хруст стекла: я наступил на очки. Потеря одного стекла была вознаграждена маленькой рыбкой. Но и ею нам не удалось воспользоваться. Никола насадил рыбку на крючок, чтобы на эту живую приманку поймать большого хищника, а рыбка исчезла с наживки.

О пользе туристских походов написано немало. Не буду повторять общезвестных истин. Скажу лишь: прекрасен отдых и плавание на осиновке по Пинеге! Нет, я не объявляю Пинегу первоклассным курортом, а путешествие по лесной реке чудодейственной лечебной процедурой. Нет. Пусть больные пьют целебные воды Кавказа и купаются в нарзанных ваннах.

Я искренне жалею здоровых людей, которые целый год мечтают о поездке на юг, ежегодно устремляются на Черноморское побережье и не извели прелестей туристского похода по Пинеге.

В КРАЮ ПУГАНЫХ ПТИЦ

Выйдя из лодки на берег, можно углубиться в лес по тропе, неведомо кем и когда проложенной, или по просеке, чтобы не заблудиться. Интересно побродить в лесной целине, где если и ступала нога человека, то не гулял его топор.

Турист, не обладающий даже способностью зоркого наблюдателя, обратит внимание на многое в лесной чаще. Трудно заметить на сосновом суку белку, которая принимает солнечную ванну. Летняя меховая шубка зверька окрашена под цвет сосновой коры. Однако белку заметишь, когда от треска сухих веток под ногами и даже от шороха шагов по белому мху она вдруг начинает делать огромные прыжки по кронам деревьев.

Путешествуя по лесу, можно увидеть, а иногда только услышать, как из черничного или брусничного ягодника шумно взлетят тетерки или стая рябчиков. Встречи эти не часты. Лесная птица уходит в глубь лесов от энергично наступающего на лесные дебри человека. Недалеко от Сосновки еще недавно был глухариный ток. Ныне на этом месте не встретишь ни одного глухаря. Место для весеннего любовного свидания птицы перенесли в глубь леса.

Охота на рябчиков в старые годы была одним из основных промыслов в Пинежском крае. Не случайно герб уездного города Пинегы представлял щит, в нижней части которого на золотом поле изображены два рябчика. Рябчики на гербе. Этим подчеркивалось значение их в экономике Пинежья. В 1913 году в Пинежском уезде была заготовлена девяносто одна тысяча рябчиков, а средняя добыча за ряд лет составила шестьдесят тысяч штук.

Теперь заготовка лесной дичи на Пинеге почти не ведется. В 1959 году здесь было заготовлено менее полутора тысяч птиц. Конечно, дичи сейчас стало меньше, дальше от деревень отодвинулись промысловые места. Но не только в этом дело.

Хранение и транспортировка дичи хлопотна, без этой работы жизнь заготовителей спокойней. Между тем при современной воздушной связи и теперь можно было бы жителей Архангельска, Москвы и Ленинграда значительно щедрей угощать свежим нежным мясом пинежских рябчиков с приправой к нему пареной пинежской брусники — чудесное блюдо! Конечно, можно. Ведь едят же ныне пинежане, пользуясь воздушным сообщением и дружбой социалистических стран, болгарские помидоры. Мы покупали их в Карпогорах в июле с меньшим трудом, чем, например, местные овощи.

Пинежские старожилы утверждают, что за последние многие десятилетия стало меньше в лесах и пушного зверя. Это подтверждается и цифрами заготовок пушнины. В 1901 году в Пинежском уезде было заготовлено 34 694 беличьих шкурки. Это был урожайный на белку год. Она хлынула из других лесных районов. Там, очевидно, был неурожай на беличий корм — древесные семена. Некоторые стаи белок шли тогда, не страшась людей, через деревни, прыгая по крышам домов, вызывая у ребятишек охотничью страсть. Были и такие годы, когда белка уходила из пинежских лесов в поисках корма. Так, в 1913 году в уезде заготовили всего 5482 беличьих шкурки. За последние годы в районе закупалось в среднем около полутора тысяч белок, в 1959 году — меньше тысячи.

Исчезают на Пинеге и зайцы. Во время наших походов по лесным тропам заяц ни разу не перебежал нам дорогу, хотя, не веря в старую примету, я вовсе не старался избежать встречи с косым. На Вые встретился старый охотник, который в начале этого века один промышлял по пятьсот зайцев за зиму. Пинежский райпотребсоюз от всех охотников района в зиму 1958/59 года закупил только... шестнадцать заячьих шкурок.

Много в районе стало лосей. Росту их стада способствует запрет на лосиную охоту. И, что интересно, увеличилось количество волков. Они появились и в верхнепинежских лесах, где полсотни лет назад их никто не видал.

По дороге из Верхней Тоймы на Пинегу, недалеко от Звонских изб, я встретил пешеходов, направлявшихся в Тойму. Это была первая встреча с людьми на лесных участках пути на третьи сутки путешествия. Они обратили мое внимание на ясные отпечатки следов на мягкой от сырости тропке, что тянулась по обочине дороги. Я шел по другой стороне, сворачивая в лес, чтобы полакомиться ягодами, и следов не заметил. Это были отпечатки медвежьих лап.

Встреча с медведем уже не угрожала. Топтыгин шел мне навстречу и свернул с дороги в том месте, которое я миновал несколько позже его. Но медвежьи следы указали на лесную трагедию. Неподалеку от дороги лежал труп лося. Очевидно, сохатого задрали волки, полакомились свежим мясом, и ушли, а уж после них к разлагавшемуся трупу приходил завтракать косолапый. Драма разыгралась в трех километрах от человеческого жилья.

Визиты волков и медведей к дорогам и селениям в верховьях Пинеги — явление не редкое. Выйский охотник Ермолай Родионов убил двух медведей всего в трех километрах от деревни Семаково, куда гоняют пасти скот. Механик Выйского леспромхоза Харитонов, собирая грибы в нескольких километрах от деревни, встретил семью медвежат. К счастью для грибника, детеныши были без матери. Маленькие звери пристали к человеку. В любой момент к ним могла вернуться медведица. С помощью зажженных веток Харитонов отогнал от себя назойливых и несмысленных медвежат.

Возможно и теперь остается в какой-то силе утверждение русского педагога В. П. Вахтерова, который в хрестоматии для детей, в одной из самых распространенных в дореволюционной начальной школе книг, писал: «Нигде не водится так много медведей, как в Пинежском уезде Архангельской губернии»¹.

О наглости волков и медведей на Пинеге ходит много рассказов.

Недалеко от Сульцы колхозник пас стадо телят. На ночь колхозных животных загонял в изгородь, устроенную рядом с сенокосной избой, а своего теленка помещал в сенцы. Волк ночью забрался в сенцы, задрал теленка, колхозных животных не тронул. Пастух, спавший в избе, не слышал, как хозяйничал хищник. Волк облюбовал теленка единоличного пользования и пощадил телят общественного стада, конечно, не по волчьей сознательности! Звериный инстинкт подсказал ему, что легче иметь дело с одним животным, нежели со стадом. Он не ошибся. В Кулогорах медведь напал на теленка, находившегося в скотном дворе. Но там он встретил отпор колхозницы, вооруженной палкой.

...Оживленно на реке. Вот впереди лодки, взмахивая крыльями, касаясь лапками воды и оставляя на ней след, низко пролетели крохали. Немного отлетев, садятся на воду, а увидев

¹ Вахтеров В. П. Мир в рассказах для детей. М., 1910.

приближение лодки, вновь взлетают. Иначе отступают, заметив лодку, селезни. Они поднимаются высоко от воды. Перелетают, уходя от лодки, пока не догадаются пересечь мыс и остаться в безопасности позади пройденного лодкой пути. Если у самки селезня выводок, который еще не может летать, мамаша делает перелеты впереди лодки с очень частыми посадками на воду. Она приманивает человека к себе, уводя его от своих птенцов до тех пор, пока выводок не остается позади лодки.

Иначе спасаются черно-серые гоголи. Заметив лодку, они ныряют. Под водой находятся долго, секунд пятнадцать-двадцать, и выныривают из воды в совершенно неожиданном для нас месте. Выводок гоголя не сразу догадывается последовать примеру матери. После первого ее нырка утята растерянно вертится на воде в поисках внезапно исчезнувшей матери, пока после неоднократного ее ныряния не догадаются последовать за взрослой уткой под воду. Ныряние гоголя с выводком прекращается, как только лодка удалится от них на некоторое расстояние.

Изредка видели, как в воздухе парит ястреб, высматривая добычу. Однажды наблюдали, как сильный хищник отступал от стаи маленьких птичек. Они окружили его в воздухе. Смелые и, вероятно, сильные птички стремительно спускались сверху и клевали хищника в голову. Удары маленького клюва по большой голове ястреба были не только не смертельны, но и не очень чувствительны. Он уходил ровно, не меняя курса, без признаков потери сил. Но и не пытался перейти в наступление.

Местным жителям и туристам много неприятности причиняет гнус. Как только на берегах начинают распускаться листья, появляются первые комары. Массовое их нашествие относится к июню—июлю. Особенно много комаров у реки в пасмурный тихий день или на вечерней заре после жаркого дня. В солнечные дни в середине лета людей и животных атакуют оводы и слепни. Ближе к осени появляется мошка.

Но «не так страшен черт, как его малюют». На реке, в лодке комаров нет. В жаркий или ветреный день и на берегу для них погода нелетная. Они отсиживаются в тени травы.

Архангельский краевед А. А. Евдокимов считал самым радикальным противокомариным средством «подходящий характер и хорошее настроение». Теоретически это так: хорошее настроение помогает переживать невзгоды. Но практически — комары способны человека с ангельским характером превратить в дьявола, а от хорошего настроения не останется и следа.

Кроме «хорошего настроения», мы испытали два более радикальных противокомариных средства: диметилфалат и репеллент. Оба действовали хорошо. В течение двух часов комары крутились около лица, «обработанного» мазью, и не смели дотронуться до него своим длинным колючим хоботком. Советую: хорошее настроение брать с собой, но непременно захватить и такое средство для его сохранения, как противокомариная мазь.

Лодочная навигация продолжается на Пинеге примерно шесть месяцев. Начало весеннего и осеннего ледохода очень колеблется. По многолетним наблюдениям в Кулогорах (около села Пинеге) самое раннее начало весеннего ледохода наблюдалось 19 апреля, а самое позднее — 22 мая. Самый ранний осенний ледоход был 16 октября, а поздний — 4 декабря.

Каждый из отдельных периодов полугодовой туристской навигации имеет свои большие прелести и некоторые трудности. При выборе месяца для похода вовсе не следует исходить из того, когда гнуса меньше и какие из насекомых менее злы. Управа есть и на комаров: и дым, и ветер, и мазь. А самое главное: комары не заслоняют всего интересного, что дает поездка по Пинеге.

ДРЕВНЯЯ НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

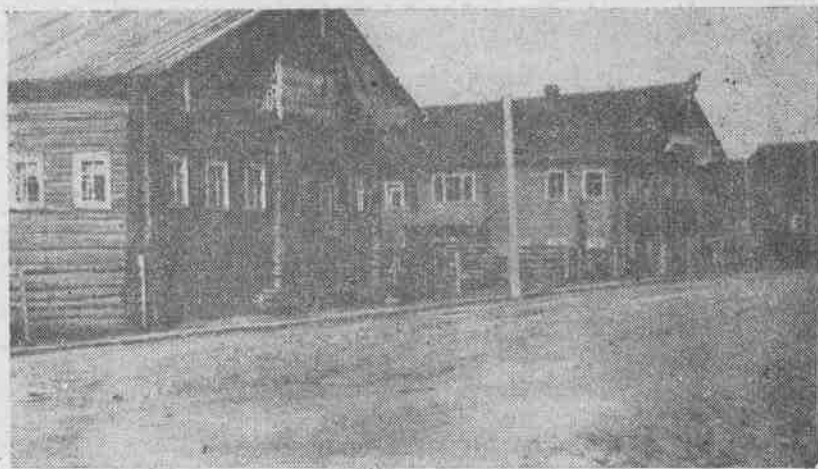
Пинежский край — древняя русская новгородская земля. До первых послереволюционных лет сохранялось здесь в быту многое, что дошло от древних славянских времен. Помню кокошник с переливами парчи, повязки, шитые бисером, на голове молодых крестьянок и алые широкие ленты в косах девушек. Еще дольше задержались в быту дмотканые сарафаны с набойчатым узором по синему фону. Мужики стригли волосы под «скобку», как на картинках изображали славян в период крещения Киевской Руси.

Кремневое ружье, в котором порох вспыхивал от искры, выбиваемой от удара курка в кремневый камешек, пережило XIX век. Были на Пинеге и свои оружейные мастера. Вероятно, последний из них умер в двадцатых годах в Засурье.

Пиво на свадьбах и праздничном пиру пили из «братины». Название этого сосуда перешло из древней Руси. По форме он

очень близок к чаше князя Владимира, которая хранится в Оружейной палате, в Москве. Деревянная солонка на столе верхнепинежских крестьян — копия ковша Бориса Годунова, находящегося в той же московской сокровищнице.

С первыми русскими новгородцами пришло на Пинегу и многое другое.

Дома в селе Карпогоры.

Седой стариной веет от народного зодчества. Здания Кеврольской и Пиринемской церквей и деревянной церкви Веркольского монастыря построены в более позднее время, но отражают в некоторой мере старую архитектуру. Древним памятником русского зодчества была Выйская церковь, построенная в 1600 году при Борисе Годунове. Она — ровесница колокольни Ивана Великого в Москве. В «Истории русского искусства» (третий том, 1957 г.) сказано, что Выйская церковь «чарует совершенством своих пропорций и силуэта».

При первых поездках на Пинегу этот памятник зодчества стоял. В последние годы его не было: здание раскатали на дрова, проявив неуважение к мастерству своих предков, не оценив по-настоящему красоты архитектурного памятника.

Древнерусскую архитектуру напоминают коньки на крышах

старых домов, резные столбики крылец, резьба по карнизам и на перилах балконов. Кое-где сохранилась роспись на дощатой обшивке балконов с изображением львов и фантастических цветов. Такая роспись, например, имеется на доме К. Клещина в Окулове. Сделана она, наверное, около ста лет назад. Прочности краски стоит позавидовать!

Долго бытовали на Пинеге древние славянские слова. Не говорили «пахать», заменяли его древним «орать». Пинежам хорошо понятен лозунг «перекуем мечи на орала!». Ячмень называли «житом». Старое поколение и теперь говорит «пора-то» вместо «очень», «дородно» вместо «хорошо», «доспеть» вместо «достигнуть», «зарудилась» вместо «запачкалась», «ядреный» — «крепкий» и т. д.

В фольклоре много слов, которые не могли войти в него иначе, как будучи принесенными из Киевской и Новгородской Руси. В дореволюционное время в рождественские праздники при хождении «со звездой» к куплетам припевалось «виноградье красно, зеленое». Пинега знала клюкву, морошку, малину и другие северные ягоды, о винограде, южном плоде, понятия не имела. В тех же куплетах в адрес хозяйки дома пели такой комплимент:

А хозяйка во дому,
Как оладья на меду!

Между тем на Пинеге не было ни пчеловодства, ни меду, и пинежане не знали качеств этого лакомства. Значит, текст этот был занесен сюда первыми поселенцами из Руси и сохранялся столетия.

Когда пришли в Пинежский край первые славяне?

По Северной Двине и ее притокам во времена глубокой старины жили финские племена, которые в русских летописях называют чудью. Но уже в XI веке на этих землях обосновались предприимчивые русские новгородцы. Русские летописи не сохранили точных дат начала постепенной русской колонизации Двинского Севера. Согласно Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича в 1137 году Новгород в той или иной мере закрепился на Двинской земле.

Чудские племена частью уходили на Запад, частью ассимилировались с русскими, воспринимая их более высокую культуру и язык. Финско-чудские племена оставили в наследство пинежанам географические названия, но не обогатили лексику на русской разговорной речи. Академик Грот насчитал только

шестьдесят чудских слов, которые вошли в русский язык Европейского Севера.

Главными претендентами на Двинскую землю были Новгород и Москва, которые вели между собой борьбу за господство. Пинежский край привлекал их не только своими пушными богатствами. Через Пинегу пролегал путь в Печорский край, а оттуда — «за Камень» (Урал), в богатейшую Сибирь. В начале XI века новгородцы ходили за данью на Печору водным маршрутом: Северная Двина—Пинега—Кулой—Мезень—Пеза—Цильма. Преодолевали два небольших волока: с Пинеги на Кулой и с мезенской Пезы на печорскую Цильму. Кстати сказать, такой путь с Мезени на Печору существовал вплоть до середины прошлого века.

Борьба русского народа с внешними врагами способствовала объединению русских земель вокруг Москвы. Складывалось единое Русское государство. В Двинской летописи указывается, что в 1471 году к Москве были присоединены земли по Пинеге и Мезени. Эта дата указывается в грамоте великому московскому князю Иване Калите с упоминанием «Пинежки и Вьи». Значит, в 1971 году исполнится полтысячи лет, как Пинежская земля вошла в состав Московского государства. В 1478 году Новгородская боярская республика прекратила свое существование, и Двинская земля вошла в Московское государство целиком.

Древнейшим русским селением на Пинеге является Кевроль. Долгое время он был и центром Пинежской земли. Во времена новгородского владения здесь жил воевода. И позднее, с присоединением Пинеги к Москве, Кевроль оставался воеводским центром.

Это древнее поселение на Пинеге играло большую роль в установлении связи русских людей с балтийскими странами преимущественно в те годы, когда не было Архангельска. Такой вывод подтверждает находка, сделанная в середине XVIII века: близ Кевроля был найден клад готских монет.

Как административный центр Пинежского края Кевроль помогал строительству Архангельска. Так, в XVII веке он вносил большой денежный налог с каждой сохи на постройку каменных торговых рядов. Позднее принимал участие в постройке Новодвинской крепости.

Каждому административному центру полагалось иметь тюрьму. В Кевроле она была. О размере тюрьмы и режиме в ней некоторое представление дает расписка, которую дал: тю-

ремный сторож Карпов сторожу Кондрату Иванову в 1725 году. Первый сдал второму: «Святые иконы за слюдой, шесть всяких замков, у тюремных дверей, да в окнах четыре, да пять человек колодников, да два кнута».

В челобитной книге пола Макария, обосновавшегося около нынешнего села Пинеги на Черной Горе (позднее названной Красной), в начале XVII века указывалось, что «по Пинеге верст на пятьсот все живут крестьяне». Значит, они жили и в районе современной Горки. Согласно писцовой книге 1623 года, на территории современного Выйского сельсовета значилось тридцать шесть деревень, Горковского — двадцать четыре.

Когда Петр Первый ввел губернское и уездное деление России, Кевроль стал уездным центром. В 1780 году управление Пинежским уездом перевели в селение Пинежский Волок, переименованный с того времени в город Пинегу. Основным мотивом перевода управления из Кевроля в Пинегу было приближение уездного центра к губернскому городу.

Ныне Кевроль и Пинега — села. Центр Пинежского района — село Карпогоры. Оно дальше от областного центра, чем Пинега, на полтора километра. Но какое это имеет значение ныне, в век авиации и радио!

В советское время ученые проявляют большой интерес к пинежской старине. В 1926—1927 годах комплексная экспедиция изучала на Пинеге архитектуру, фольклор, обряды, быт. Труды экспедиции опубликованы во втором томе «Крестьянское искусство СССР». В последние годы несколько лет подряд в Пинежье работает экспедиция во главе с доцентом Ленинградского университета Г. Я. Симиной. Ею сделано много записей фольклора и говора и собрано другого ценного материала по истории Пинежья.

ПИНЕЖСКИЙ НОВОЗЕМЕЛЕЦ

Пинежане принимали участие в древних походах русских на Восток. В 1595 году голландская эскадра встретила у Вайгача две русских ладьи, одна из них была из Пинеги. Через шесть лет пинежанин Лев Шубин с экипажем в сорок человек вышел на четырех судах из Холмогор и достиг Пустозерска. После за-

мовки продолжал путь и дошел до Мангазей, торгового центра Сибири. В 1610 году плавал в Мангазею пинежанин Фом Борисов. Путь из Кулоя в сибирский центр он совершил в одну навигацию. Из пинежских крестьян вышел крупный мореход XVIII века Иван Шухобов, пионер китобойного промысла на Севере. Тридцать лет он плавал на северных морях.

Мне довелось знать одного из представителей старой Пинеги, жизнь которого роднит его с предками — земляками-мореходами.

Знакомство с ним произошло далеко от Пинежья. В 1920 году пароход «Сосновец», возвращаясь в Архангельск, отошел от Новой Земли. На палубе судна, у поручней, стоял среднего роста старик с седой бородой «лопатой». Сняв старомодный картуз, он смотрел на удалявшийся остров. На фоне неба вырисовывались силуэты гор, вершины которых покрыты снегом. Когда очертания острова растаяли в дымке, старик поклонился на восток и надел картуз. Прощался с Новой Землей и возвращался на родину, в пинежскую деревню, Яков Иванович Запасов. Приплыл Запасов на Новую Землю в 1890 году. Тогда там уже был поселок ненцев — Кармакулы. Русских поселенцев еще не было. Правда, русские промышленники бывали на острове, но только на зимовку, а летом возвращались домой. В. В. Крестинин писал, что на Новой Земле «никто не утвердил и утвердить, кажется, собственной волею не захочет постоянное себе жилище». Пинежанина Якова Запасова нужно считать первым русским, который «утвердился» на Новой Земле и не только по собственной воле, но и вопреки воле губернатора. Произошло это так.

В молодости Запасов ушел из родной пинежской деревни на Печору и работал батраком у кулаков-оленоводо-цев, бывавших на Вайгаче и Новой Земле, узнал о пушных богатствах островов. С ненцем, потерявшим всех оленей от «скупки бирки», Запасов в 1890 году отплыл в карбасе (большой домашней лодке) из Пустозерска в Печорскую губу, а затем проплыл по океану, вдоль берегов Вайгача и Новой Земли. Вместе с Запасовым плыла и жена его — Анастасия. Трудности шестидесятипятилетнего охотника были уже на исходе. Силы стареющего человека во время плавания претерпели немало, особенно в шторм. Когда карбас то нырял в волны, то поднимался на гребни и было невозможно веслами нельзя было достать воду. Не всегда можно было подойти к берегу: из бурлящей воды береговые скалы поднимались отвесно. Бывало и так: не могли побороть шквал, и судно несло в обратном направлении.

Наконец, через восемь недель достигли Кармакул. Спутник Запасова поселился у ненцев. Пинежанин с женой срубил избу из плавника (бревен, выброшенных морем на берег) в Пуховой губе.

Так обосновался на Новой Земле первый русский, приехавший сюда не на зимовку, а на жительство.

Поселение Запасова на острове совпало с установлением ежегодных пароходных рейсов из Архангельска. На Новую Землю стал приезжать представитель губернатора. Он забирал всю продукцию промысла в обмен на продовольствие и охотничьи припасы. Ненцы не разбирались в делах торговли, плохо знали счет, беспрекословно отдавали шкуры песцов и белых медведей. Запасову же стало ясно, что из кулацкой кабалы он попал в другую, еще более безвыходную.

В один из приездов чиновника подвыпивший Запасов назвал публично губернатора вором и мошенником. Чиновник не стерпел такой крамолы, разлагающей ненцев, конфисковал у Якова карбас и винтовку, а промышленника-смутьяна вывез с Новой Земли в Архангельск.

Запасову нечего было рассчитывать, что в следующем году он сможет на пароходе вернуться на остров: губернатор не пустит. Яков Иванович ушел в Пустозерск и оттуда на карбасе снова «взял курс» на Новую Землю, на этот раз без спутника. Он рассчитывал, по крайней мере, часть промысловой продукции сбывать, минуя «губернаторскую лавочку».

Опыт первого путешествия и более благоприятная погода позволили достичь острова на этот раз за шесть недель. Спасаясь от нового выселения с острова, Запасов с группой русских, приехавших на зимовку, обосновался на восточном берегу. Скоро товарищи Запасова погибли от цинги. Он вернулся со своим домиком, в Пуховую.

Тридцать три года прожил пинежский крестьянин Запасов на Новой Земле. На этот раз он добровольно оставил остров, полюбившийся ему дикой суровостью, богатством пушного зверя, увлекательной охотой на белых медведей и песцов. Силы охотника были уже на исходе.

В деревне Высокая Гора от колхозников я узнал, что Запасов был родом из соседней деревушки Матвера. Но о его жизни на Пинеге по возвращении с Новой Земли никто не знал.

Пошел в Матверу. Встречные на улице рекомендовали поговорить с Ионой Шехиным. Ему девяносто два года, и много он знает и помнит. Однодеревенец Запасова дряхлостью прико-

ван к постели. На вопрос о Якове Ивановиче отвечает скептическим замечанием, сказанным тоном шутки:

— А чего у старых о стариках расспрашивать! Разве за это какое спасибо выйдет?..

Потом спустил ноги с кровати, поправил сбившуюся набок седую с желтизной бороду и рассказал о последних годах жизни Запасова.

Вернувшись в Матверу, Яков Иванович жил тут недолго. О сельском хозяйстве отвык, да и сил было мало. Сына Никиту похоронил на Новой Земле. Дочь Никиты, Оленька, родившаяся на острове, умерла девушкой. Чувствуя себя в Матвере одиноким и без дела, Запасов с женой купили на сбережения от промысла лошадь и уехали на Печору, на родину Настасьи.

— Там, слышали, он и помер. Когда, не помню. Здесь и в других деревнях родственников у него нет и никто о нем не знает.

Иона Иванович назвал стариков в ближайших деревнях старше его по возрасту. В Водогорах живет Павел. Ему девяносто шесть лет. Он еще недавно косил. Дед его жил сто пять лет и был очень бодр, «особенно когда выпьет».

— Но больше моего о Запасове никто не знает. Не ходи по деревням напрасно и ни у кого не спрашивай...

Имя Якова Запасова, конечно, не может быть поставлено один ряд с выдающимися мореходами. Но первый русский поселенец на Новой Земле, предприимчивый промысловый охотник и незаурядный человек заслуживает памяти, и пинежские земледельцы могут им гордиться.

Жизнь идет вперед. Октябрь внес революционные изменения в хозяйственный уклад, в политический строй, в быт. Эти изменения в глухом краю, который в прошлом был местом царской ссылки, стали возможны после победы над контрреволюцией в годы гражданской войны. В историю ее и Пинега вписала слабые страницы.

В МЕСТАХ ЦАРСКОЙ ССЫЛКИ И ПАРТИЗАНСКОЙ СЛАВЫ

ПОД НЕДРЕМАННЫМ ЖАНДАРМСКИМ ОКОМ

Пинежский край царское правительство избрало местом ссылки неугодных для самодержавия людей потому, что был он отдален от железной дороги и, следовательно, труден для побега. Кроме того, местное население, не знавшее помещичьего гнета, рассматривалось царской охранкой менее восприимчивым к революционной пропаганде.

Ни тот, ни другой расчет властей в полной мере не оправдался.

Были и отсюда побеги ссыльных. Старейший рабочий-революционер, большевик С. Я. Аллилуев в 1906 году выехал из Пинеги в Архангельск для медицинской операции, там достал паспорт на чужое имя и в Пинегу не вернулся. В 1904 году в квартире пинежского ссыльного Розова хранились для бежавших бланки с печатью и подписью исправника (начальника полиции) Беляевского. У Розова не раз скрывались ссыльные, бежавшие через Пинегу из уезда.

Первого декабря 1907 года в Пинежскую ссылку был водворен К. Е. Ворошилов, а в конце месяца его уже не было в Пинеге. Только через десять месяцев жандармским ищейкам удалось схватить бежавшего из ссылки Ворошилова.

В октябре 1908 года архангельский губернатор сообщал старосты и десятидворные выборные крестьяне имели суждение пинежскому исправнику: «Даю знать вашему высокоблагородию, что торжок (ярмарка. — В. С.) при Выйской Ильинской церкви утвержден губернским правлением на два дня — 20 и 21 ноября. Так как торжок продолжается всего два дня, то дальмент Ефремович Ворошилов задержан и ныне доставлен в Архангельскую тюрьму, причем местом водворения ему мною назначен Мезенский уезд».

К. Е. Ворошилов освободился из мезенской ссылки в 1912 году.

Просчитались царские чиновники и в том, что пинежской бедноте чужды революционные идеи. Правда, в Пинежском уезде крестьяне не знали помещиков-дворян. Не было здесь и удельных имений «двора его императорского величества». Для конца прошлого века он является смелым документом. Пинега леса были государственными, принадлежали казне. И хотя частной собственности на землю не было, ею нельзя было торговать, сельскохозяйственные угодья ценились высоко. Этим пользовались монастыри и церкви. Они сдавали земли крестьянам в аренду за большую плату. Так, на архангельском агрономическом совещании в 1912 году указывалось, что карпогорская церковь сдавала в аренду восемьсот квадратных саженей луга и получала баснословный доход: пятьдесят рублей в год. В переводе на гектарную плату доход составлял сто пятьдесят рублей с гектара! Это не только высокая плата за аренду, это грабёж. Конечно, здесь сказались спекуляция попов не только землей, но и религиозными чувствами своей паствы: деньги идут «на божий храм», хотя этим «храмом» фактически являлся поповский карман.

Не было помещиков, не было удела, но пинежская беднота не чувствовала себя на земле вольготной. Ее мелкие и тощие пахотные полоски примыкали к казенным лесам, кулацким расчисткам, монастырским и поповским землям, которые «видеоко, да зуб неймет».

Крестьяне, занимавшиеся охотой на пушного зверя и дичь, были также в полной зависимости от местных богатеев. У них они покупали товары, в том числе и охотничьи припасы, и вынуждены были продавать белку и рябчиков.

Пинежские мужики вовсе не были такими покорными и терпимыми, какими представляло их чиновное начальство и изображали некоторые литераторы. Нет, они понимали свое кабальное положение не как «уготованное судьбой и ниспосланное Богом». Интересен в этом отношении приговор крестьян одной пинежских волостей, вынесенный в 1897 году. В нем говорится: «Мы, нижеподписавшиеся Гавриловской волости сельские

старосты и десятидворные выборные крестьяне имели суждение о том, что торжок (ярмарка. — В. С.) при Выйской Ильинской церкви утвержден губернским правлением на два дня — 20 и 21 ноября. Так как торжок продолжается всего два дня, то дальмент Ефремович Ворошилов задержан и ныне доставлен в Архангельскую тюрьму, причем местом водворения ему мною назначен Мезенский уезд». Население попадает в руки местных торговцев, забираясь хлебом и товарами в кредит. Осенью приходится отдавать добычу за долги по той цене, какую дают. В заключение крестьяне просили продлить срок ярмарки, чтобы привлечь скупщиков из дальних мест.

Конечно, этот приговор — не революционная крамола. Но Мужики рассматривают местных богатеев не как отцов-благотетелей, как те изображали себя и как рекламировала их официальная печать. Понятно, что выход для пинежских охотников и бедноты был не в удлинении ярмарки с двух до шести дней... Но тогда иной выход еще не был достаточно ясен не только пинежским крестьянам.

Что касается влияния ссыльных на «темное» население, то царским сатрапам не удалось создать стену между пинежанами и ссыльными.

В 1907 году полиция выслала нескольких украинских крестьян за участие в «аграрных беспорядках» в выйские деревни. Один из ссыльных Герасим Запара нанялся пасти скот в деревню Усть-Вью. Вечерами, в праздничный день на крыльце чьей-либо избы собирались мужики. Пересыпая украинскую речь русскими словами, Запара рассказывал о богатой природе Украины, о бедности крестьян, о том, за какое «лихо» он попал в эту «тайгу».

Вероятно, Герасим Запара не ставил перед собой задачу распространять выйских крестьян. Но простой рассказ украинского землероба раздвигал их сознание за пределы деревенской околицы, за границы сенокосных пожен и пахотных чистен. Симпатии выявлялись на стороне Герасима, а не на стороне тех, кто сделал украинского крестьянина пастухом на лесной чужбине.

Местом царской ссылки с давних лет был уездный город Пинега. Уже в 1861 году здесь существовала колония ссыльных. В нее входили окончивший Петербургский университет П. Чудинский (позднее автор краеведческих работ по Северу), учитель А. Стронин и несколько студентов — революционных демократов. В 1880 году, когда привезли в ссылку курсистку Верзи-

лину, в Пинеге кончали срок ссылки трое студентов и оставалось еще двадцать ссыльных. Через год колония пополнилась еще восемью человеками.

В конце прошлого века отбывал ссылку в Пинеге студент Александр Попов, будущий писатель А. Серафимович. Молодого петербургского студента Попова летом 1887 года по этапу доставили в Мезень, в чем исправник выдал сопровождавшего ссыльного Попова полицейским квитанцию № 905. В Мезени Попов подружился с П. А. Моисеенко, сосланным за организацию стачки. Чтобы коротать срок ссылки и иметь к скудному казенному пособию приработок, Моисеенко организовал столярную мастерскую, в которой стал работать и Попов.

В мезенской ссылке А. С. Попов пробыл около года. Губернатор разрешил перевести ссыльного студента по состоянию здоровья в «более южный город» — Пинегу. Летом 1888 года Попов приехал на новое место ссылки. По его инициативе и здесь ссыльные организовали столярную мастерскую. Она скоро приобрела популярность, стали поступать заказы, поддерживалась связь с местным населением.

Жандармский офицер Мочалов усмотрел в организации мастерской крамолу, потрясающую государственный строй, и закрыл ее. В жалобе архангельскому губернатору Попов писал: «В тюрьме сама администрация организует мастерские для арестантов, почему в ссылке г. жандармский офицер отнимает возможность трудиться...» В рапорте губернатору Мочалов объяснял свои действия стремлением не допустить «не дозволенных сношений» ссыльных с жителями. Он сообщал также, что «сыну Ивана Кузьмина Василию, по ремеслу портному», ссыльным «в числе прочих книг читали и объясняли сочинение К. Маркса «Капитал»».

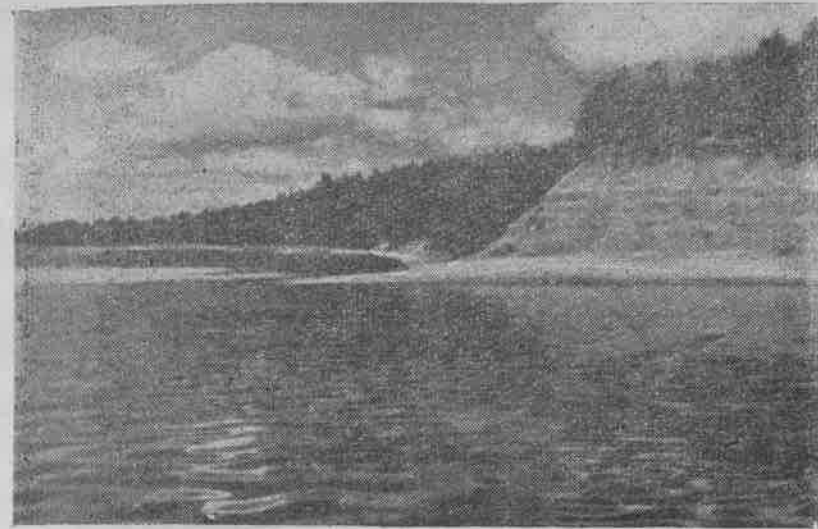
Александр Попов стремился установить связь с населением и вне города. Некоторое время он работал на постройке мельницы в двадцати верстах от Пинеги. Ходил на лесные озера с местными охотниками и рыбаками.

В 1889 году из Мезени в Пинегу для продолжения ссылки был переведен П. А. Моисеенко. Попов был очень обрадован встрече со своим товарищем. О том, как они были близки между собой в Пинеге, говорит рапорт жандармского унтер-офицера: «Моисеенко с Поповым вместе работают столярным мастерством, а Моисеенко у Попова почти все время бывает с утра и до вечера...»

Годы пинежской ссылки стали временем вступления А. По

пова — А. Серафимовича в литературу. Еще в год ссылки газета «Русские ведомости» опубликовала его первый рассказ «На льдине». После него, также в период ссылки, опубликованы «В тундре» (в собрании сочинений Серафимовича — «Снежная пустынь») и «На плотях».

В январе 1890 года А. С. Серафимович получил разрешение на досрочный выезд из Пинеги. Но воспользоваться им он смог только с открытием навигации. Для выезда зимой не было денег и необходимой одежды.

Лес стеной подступает к реке.

Много позднее, по возвращении из ссылки, в 1908 году, писатель опубликовал рассказ «Лесная жизнь» (первоначальное название «В лесу»). «Я отобразил в рассказе, — говорит А. Серафимович, — обстановку своей ссылки. Дана природа нашего севера — окрестности города Пинеги... Тут много озер с лесистыми островами. Местность очень живописная. Тогда она была почти дикая, нехоженная...»

Семьдесят лет прошло со времени пинежской ссылки А. С. Серафимовича. Но и в 1960 году я нашел в Пинеге одного

старожила, который помнил ссыльного студента Попова. Никифор Моисеевич Калинин рассказывал:

— Был я тогда пятнадцатилетним парнишкой. Помню, что ссыльные часто собирались в «рогозином кабачке». Были они люди степенные, непьющие. Наверное, кабачок был удобным местом для собраний. Пришли в кабачок — не придерешься... А «рогозиным» кабачок звали потому, что его дверь была обита рогожей.

Александр Серафимович жил в доме Алексея Калинина. Ныне нет в живых ни хозяина, ни его сыновей. Да и дома того тоже нет, на том месте стоит дом Тарасова. Портной Василий Кузьмин давно умер, и детей нет. Мельница на Сырговке не существует, заметно только место, где она была.

Исчезли с лица земли постройки, связанные с жизнью А. Серафимовича в ссылке. Остался в живых один свидетель... Но не могла пройти бесследной ссылка революционера-демократа, который, не страшась еще более суровой кары, вел в далеком северном городке пропаганду против царизма.

Еще одному писателю пришлось отбывать ссылку в Пинеге — А. Грину (А. С. Гриневский). В «Автобиографической повести» А. Грин упомянул об охоте «в Архангельской губернии, когда там был в ссылке», и обещал об этом периоде жизни, который назвал интересным, написать. Выполнить свое обещание он не успел. «Автобиографическая повесть» кончается 1907 годом, в Пинеге писатель был позднее, ссылка его закончилась в 1912 году. Неоконченная «Автобиографическая повесть» вышла в свет за несколько дней до смерти автора, в 1932 году.

Царскую ссылку в Пинеге отбывал и старый большевик Николай Евменьевич Сапрыгин¹. Студент, исключенный из Казанского университета «за беспорядки», он стал слесарем порохового завода. За активное участие в революционной работе Сапрыгин с 1903 по 1915 год с небольшими перерывами был в ссылке в Яренске, Вологде, Великом Устюге, Пинеге и Усть-Цильме. Как рассказывал Николай Евменьевич, в пинежской ссылке он к казенному пособию прирабатывал сотрудничеством в газетах, рыбной ловлей и охотой. У охотничьего костра на

¹ Имя Н. Е. Сапрыгина вошло в историю установления Советской власти на Севере. В период интервенции он входил в Архангельскую подпольную большевистскую организацию. Он — автор листовок, которые призывали к борьбе с интервентами и белогвардейцами. При восстании, организованном в тылу белых, на Печоре входил в состав ревкома. Умер в 1942 году в Архангельске.

Сотке, в кругу крестьян-охотников и рабочих завода Володина велись не только охотничьи рассказы. Ссыльный студент-слесарь, простой в отношениях с людьми, был интересным собеседником и опытным революционным пропагандистом.

В 1908 году в Пинегу по этапу был доставлен рабочий-большевик Иван Константинович Михайлов¹. Тогда в Пинеге находились в ссылке несколько большевиков. Они создали свою организацию. Одно из очередных партийных собраний, проходившее в лесу, выследила полиция. «Зачинщиков» выслали в более глухие места. Михайлова перевели в Карпогоры. Позднее ему разрешили вернуться в Пинегу, где отбывала ссылку его жена. Пинежская ссылка Михайлова окончилась в 1911 году.

Два года в пинежской ссылке был В. Володарский, освобожденный оттуда в 1913 году по амнистии. Вынужденное бездействие в ссылке он использовал для сдачи экзамена на аттестат зрелости.

Через Пинежский уезд зимой шли этапы ссыльных на Мезень и Печору. Пеший путь с дневками продолжался из Архангельска до Пинеги около десяти дней. Этапы ссыльных, несомненно, оставляли след в сознании крестьян, с которыми на дневках революционеры имели общение: тюремных пересыльных пунктов на пути не было, остановки делались в крестьянских избах.

Материальное положение ссыльных было тяжелым. Пособия интеллигентам казна выдавала по двенадцать рублей, а ссыльным из рабочих — по семь рублей в месяц. Заработок в мастерских, которые существовали и после Серафимовича, был невелик.

В 1905 году правительство урезало казенное пособие. Ссыльные, отбывавшие наказание в Кузюмени, написали протест. «И ранее приходилось жить впроголодь, — писали они, — а теперь придется голодать. Мы не виноваты, что правительство постиг финансовый крах вследствие политической авантюры на Востоке...»

Слухи о подобных заявлениях доходили до населения. Крестьяне видели в ссыльных неустрашимых борцов с царизмом, начинали задумываться о правильности порядков, существующих при самодержавии.

¹ В советское время И. К. Михайлов занимал руководящие хозяйственные посты. Умер в 1950 году.

Население было свидетелем и находилось под влиянием и более активных действий ссыльных против самодержавия. Когда была объявлена мобилизация на Дальний Восток, ссыльные в Пинеге разбросали прокламации с призывом не давать солдат в армию. Прокламации по городу были распространены и после получения здесь номера «Искры» с сообщением о расстреле 9 января в Петербурге. Действия ссыльных вывели из терпения купца и заводчика Володина. Он подговорил чернозотенцев избить «смутьянов». Схватка была горячей. Ссыльные Гриднев и Кубатович, защищаясь от напавших погромщиков, застрелили двоих. Несколько человек, обвиненных в дерзком выступлении «против порядка», были этапированы в архангельскую тюрьму.

В 1906 году под влиянием революционной деятельности ссыльных на лесопильном заводе Володина прошла двухнедельная забастовка. Это было крупным политическим событием в глухом городишке, где рабочих крепко держали в руках мастера и хозяйские приказчики.

В 1907 году несколько вооруженных ссыльных заставили Пинежскую городскую думу установить более низкие цены на товары. Дело дошло до такой «дерзости», что председатель «исполнительного комитета ссыльных» Мамулов под угрозой насилия заставил исправника выдать ссыльным деньги сверх положенного пособия.

Активность политических ссыльных на Пинеге не на шутку встревожила «его превосходительство» архангельского губернатора. В уездный город весной приехал вице-губернатор Григорьев с ротой пехоты и отрядом конных стражников. Суд был скорый. Около тридцати ссыльных были арестованы, часть из них отправили в архангельскую тюрьму, остальных — в более далекую ссылку, на Мезень и Печору.

«Восстановив в Пинеге законную власть», как доносил каратель своему начальству, Григорьев поднялся на пароходе в Карпогоры. И здесь ссыльные демонстрировали непокорность царской власти и призыв к борьбе с самодержавием. На квартирах ссыльные вывешивали красный флаг, а Первого мая 1906 года по улицам Карпогор прошла революционная демонстрация. Вице-губернаторская свита произвела обыски и аресты. Некоторые ссыльные были переведены в более отдаленные места. Из карпогорской ссылки попал на Печору орехово-зуювский рабочий Семен Никитич Калмыков. Новая репрессия не сломила воли революционера. На Печоре Калмыков был од-

ним из организаторов подпольного социал-демократического кружка¹.

В верхнепинежские волости, на Выю и Горку, архангельский вице-губернатор не проследовал: эти волости входили в Вологодскую губернию. Не посылал сюда карателей и вологодский губернатор. Политических ссыльных — партийцев здесь не было и охрана от всякой крамолы была возложена на полицейского урядника. Правда, в 1905 году в помощь ему были даны два стражника.

Однако для применения силы полиция не имела здесь повода. Не применять же ее для разгона девичьих вечеринок! Дело в том, что урядник, очевидно, исходя из директив полицейского начальства, запретил деревенские «посиделки». На них девушки коротали длинные зимние вечера за расписными прялками, скрашивая однообразную работу лирической песней и задорной частушкой. Гостями на таких вечеринках были и парни с гармошкой. Вечеринки подходили под «самовольные сборища». Несмотря на запрет, они не прекращались. Чтобы не смущать око урядника, окна в избе завешивали половиками — домоткаными дорожками.

Но слухи, тревожащие умы крестьян, ходили по деревням. Сын волостного писаря гимназист Шура Новинский, приехавший летом на каникулы, беспрепятственно распевал революционные песни. Деревенским подросткам охотно объяснял такие непонятные, ранее неслыханные слова песен, как «нагайка», «девятое января», «Трепов» и др.

Рассказывали, что устьвыйский крестьянин Яков Дунаев откуда-то достает и читает запретные книжки. Кто-то на волостном правлении в «царский день» перевернул государственный флаг так, что красная полоса трехцветного полотнища оказалась вверху, а не внизу, как положено. Сельский писарь Заборский в присутствии крестьян в крайне непочтительных выражениях отзывался о министрах. Словом, и здесь, в глухих деревнях, врывались в жизнь мелкие отступления от обычного ее течения, навеянные событиями в стране.

Бурные дела возникли в пинежской жизни позднее, в 1918 году, когда народ поднялся на защиту края, Родины от интервентов и белогвардейцев.

¹ После февральской революции С. Н. Калмыков был членом Архангельского большевистского комитета. Умер на Печоре в 1918 году, находясь в период интервенции на нелегальном положении под чужой фамилией.

С ОРУЖИЕМ В РУКАХ

Большие лесные пространства и северное бездорожье не были помехой для прихода в пинежские деревни вести о победах Советов в Петрограде, для проникновения на Пинегу большевистских идей. Их несли сюда первые советские газеты, возвращавшиеся в деревню солдаты-фронтовики и отпускники рабочие. Они были первыми советскими организаторами и большевистскими агитаторами.

Алексей Александрович Ряхин, вернувшись в Шардомени после ранения на фронте первой мировой войны, горячо агитировал за большевистский список на выборах в Учредительное собрание. Он организовал конфискацию товаров в лавке Кобылина. Под влиянием революционной агитации, волостное собрание в Шардомени дало наказ своему делегату на губернский съезд: «Строго и неуклонно держаться программы партии большевиков».

Когда в Шардомени пришла весть о продвижении интервентов с Мурманска к Архангельску, Ряхин организовал отряд и выехал с ним на пароходе в Архангельск. Пароход пришел туда второго августа, когда советские учреждения уже эвакуировались, а по городу ходили белогвардейские патрули. Ряхин попал в их лапы. Отряд, чтобы не оказаться в Архангельской тюрьме, в белой армии, пешком выбрался из города и вернулся в Шардомени.

На собрании представителей деревень Леуновской волости весной восемнадцатого года, выступил Николай Яковлевич Кулаков. Начав в мальчишеские годы революционное образование с «подготовительного курса» среди этапных ссыльных в дом отца, в Кузомени, он продолжал проходить «университет», работая ботая на володинском пароходе, а затем в рабочей среде печорского лесопильного завода «Стелла поляре» и в старой армии. Собрание приняло резолюцию, в которой говорилось, что «Советская власть является высшей властью».

Местное кулачье пыталось терроризировать сторонников Советов. На собрании грянул выстрел... Враги агитировали средние крестьян: «Если убить Кулакова, войны с союзниками не будет». Отец Николая Кулакова, Яков Федорович, отвечал вражеским подстрекателям:

— Кулаковых миллионы!.. Всех не перебьете. Вашей власти не бывать!

Отцу большевика это высказывание стоило дорого. Когда в августе восемнадцатого года белые захватили Кузомень, Я. Ф. Кулакова арестовали и бросили в Мудьюжскую каторжную тюрьму. Не пощадили белогвардейцы, избили прикладами мать Н. Я. Кулакова, Евдокию Ильиничну. Были арестованы и братья Николая Яковлевича, Павел и Ефим. Их отправили на Иокангскую каторгу, где они погибли. Арестованному третьему брату удалось спастись.

Организаторами первых Советов в своих волостях были участники питерских демонстраций 1905 года Кузьма Пищухин, солдат-фронтвик Мяконосов, большевик Петр Блохин, участник штурма Зимнего дворца Константин Шеголихин и др.

Забурлили в восемнадцатом году и выйские деревни. Организатором первой большевистской ячейки и Совета были питерский рабочий Иван Синяев и фронтвик Василий Паромов. В общественной жизни выйских деревень в первые годы Советской власти большую роль играл первый секретарь партийной ячейки Иван Дмитриевич Заборский. Это был боевой партийный вождь, активный селькор. Он писал стихи и пьесы. Родственники говорили, что после смерти Заборского на его имя «приходил денежный перевод за антирелигиозную пьесу».

Первый уездный съезд Советов собрался в Пинеге в апреле 1918 года. Избранный на нем исполком существовал недолго. Второго августа Архангельск был в руках интервентов и белогвардейцев. Пинежские контрреволюционеры растащили из склада военкомата оружие и установили в уездном центре свою власть.

Враг не посмел в августе восемнадцатого года пройти далеко по реке Пинеге. Это объясняется боязнью встретить серьезное сопротивление в верхних волостях, население которых было под сильным влиянием большевистски настроенных деревенских вожаков и где осенью стали создаваться добровольческие отряды для защиты Родины от интервентов и белогвардейцев.

Многие места на Пинеге связаны с историческими событиями гражданской войны. Они, эти места, начинаются с верхнего Выю отряд легендарного героя гражданской войны Хаджи Мурата. Пинежский фронт был тогда далек от Выи, отряд был отозван обратно на Двину. Но рейд не был напрасным. В выйских деревнях отряд пополнился добровольцами. В числе первых вступили в него Василий и Александр Поздеевы, Филипп Соснин, Дмитрий Якушев.

По этому же тракту, в октябре 1918 года, шел из Верхней Армии, которой командовал Иосиф Ильич Кудрин¹. Он сменил Тоймы красноармейский отряд в сто двадцать человек, первый на командном посту Щенникова. Комиссаром бригады, действующей на Пинежском фронте. Комиссаром отважной на Пинеге, оставался Н. Я. Кулаков. Под командованием Кудрина в декабре восемнадцатого года отряды Красной Армии очистили от белых Высокую Гору, Кобласть, Кулаков в Вологде, в штабе Северного фронта, приняв на себя организацию отпора интервентам на родной Пинежский путь белых на Мезень и Печору. Это была большая победа советских войск на Пинежском фронте. В смелом захвате названного Алексея Петровичем Щенниковым, бывшим пинежскими селений велика заслуга командира полка Сергея Николаевича Смелкова, командовавшего в этих боях головным отрядом. Приказом Реввоенсовета Республики Кудрин и Смелков были

Путь отряда по тракту был тяжелым. Местами приходилось награждены орденами Красного Знамени. В селе Пинеге мне довелось познакомиться с соратником Смелкова — Кириллом Феофистовичем Просвирыковым. Строй-

Дойдя до Керги, отряд Кулакова—Щенникова с сухопутный, бритый, в военном кителе с красными кантами на стоячем пути перешел на водный. Соорудили плоты и на них стали сплывать, он не выглядел стариком, хотя этому соответствовал скататься по течению. По берегу высылали конную разведку, чужого возраст и позади в его жизни остались окопы первой мировой избежать вражеской засады. Нелегким был путь и на плотовой войны, ряды Красной гвардии в Смоленске, походы в раз-Флотилия застревала на порогах и, чтобы сдвинуть плоты в воду, советская и общественная работа. Мы сидели около дома Просвирыкова, на берегу Пинеги. Мером молодой командир Иван Быстров, обычно первым спускался в воду. Временами он жаловался на плохую память, но постепенно в рассказе восстанавливал славные партизанские дела.

После двухнедельного пути отряд добрался до Верколы. О — В декабре восемнадцатого года наши начали наступление сюда он стал продвигаться берегом для встречи с врагом. На Высокую Гору. Команде пеших разведчиков, куда входил и селение приветствовало красноармейский отряд. В верхние пинежские волости отряд Кулакова—Щенникова прибыл в ноябре отступления из Высокой Горы. Операцией руководил Смелков. Наш путь лежал из Чаколы через Водогорку. Здесь взяли Карповодника, крестьянина Игната Жданова. У ручья Большая горами и Марьиной Горой. В бою 28 ноября отдал жизнь Игнатуша спустились с берега на лед Пинеги, подкрались к власти Советов командир Иван Николаевич Быстров, уроженец Ежуги и внезапно для белых броском захватили Пермогорья (на Северной Двине), офицер старой армии, давно. Белые нас не ждали. Ведь впереди Усть-Ежуги у них была позиция в Высокой Горе, которую они считали совершенно неприступной!.. На другой день наше отделение, командиром которого был ныне здравствующий Федор Петрович Бросов, вступило в Труфанову Гору. Смелков с телефонной станции позвонил в Пине-

Осенью восемнадцатого года в верхних пинежских волостях стали создаваться партизанские отряды. Приход сюда Щенникова активизировал их создание. Организаторами добровольческих отрядов на борьбу с белыми и интервентами были Д. Кулаков, П. Вдовин, А. Семин, Я. Черноусов, Н. Сумкин, В. Шардомин и другие советские активисты Нюхчи, Верколы, Шардомини... Позднее эти отряды влились в состав бригады Красной

¹ И. И. Кудрин родился на Ваге, в селе Воскресенском. Окончил фельдшерскую школу, сдал экзамен за гимназический курс, учился в Петербургском университете. В первую мировую войну его призвали в царскую армию. По окончании военного училища офицер Кудрин воевал на фронте. Организации Красной Армии добровольно вступил в ее ряды.

гу, в белогвардейский штаб, и сообщил, что скоро доберется до главарей белого фронта!

Смелый захват важных пунктов на Пинеге в декабре восемнадцатого года явился славной страницей в истории гражданской войны на Севере. Вписали ее славные командиры Кудрин и Смелков и бойцы, в составе которых было много пинежских добровольцев.

Дальнейшая судьба храброго, образованного для своего времени командира И. И. Кудрина была трагичной. В конце 1919 года кучка предателей подняла мятеж. Пока отряд Куликова подошел к Верколе, мятежники зверски расправились тремя членами уездного исполкома: летопольского крестьянина большевика И. А. Федорова, питерского рабочего М. М. Никлина и И. Мельникова живыми бросили под лед. В лапы мятежников попал и Кудрин. Обстоятельства и место его гибели остались неустановленными, так как из этого района фронт Красной Армии вскоре отошел. С. Н. Смелков, по сведениям его знакомых, после окончания гражданской войны получил военное авиационное образование, служил в штабе Блюхера, пошел добровольцем в Испанию и погиб в бою с франкистами фашистами.

История гражданской войны на Пинеге связана и с деревней Почей. Героическая защита этой деревушки, расположенной в устье одноименной речки, покрыла славой советских воинов.

В феврале — марте девятнадцатого года началось наступление белых на Почу. Чтобы затруднить советскому гарнизону оборону этого селения и отвлечь от него внимание командования, белая предприняла поход лесом из деревни Остров (ныне Пинеги) на Земцово, а оттуда, броском, хотели захватить Капогоры. В конце марта они начали наступление с Мезени на Усть-Ежугу, а с Вашки — на Нюхчу, в далекий тыл советского фронта. Эта затея белых провалилась, хотя вслед за белогвардейскими отрядами для поддержания их духа шли отряды интервентов.

В конце марта белые бросили на Почу тысячный отряд вооруженный станковыми пулеметами и артиллерией. Был убит самолет. Защитники Усть-Почи не дрогнули. В первых числах июня маленькая деревушка приняла на себя более тысячи штыковых рядов. В начале июля белые предприняли новое наступление. Рвались вражеские снаряды. Некоторые из них были начинены удушливым газом. Горели в деревне дома и гумна. Команд

ный белогвардейским фронтом обещал выдать каждому солдату, который в бою за деревню перейдет речку, денежную награду за каждый час операции. Не помогли ни часовая оплата, ни чарки английского рома.

«Живыми Почу не отдадим!» — таков был лозунг защитников позиции. Им никто не обещал часовой оплаты за стойкость в бою. Но они знали, что за спиной белогвардейцев и интервентов идут володины, кыркаловы, сатрапы типа Григорьева. С такой высокой наградой они считали победу в битве за рабоче-крестьянскую власть.

Успеху боя за Усть-Почу во многом содействовал рейд в тыл двух советских рот под командованием Сумкина и Карушева. Они переправились через реку выше деревни, под прикрытием леса зашли к белым в тыл, в боевой схватке вывели из строя артиллерийские орудия, вызвали в лагере врага панику. Командир роты Василий Петрович Карушев, несмотря на ураганный артиллерийский огонь и полученные ранения, несколько раз водил роту в атаку. В последней из них был убит. Пример храбрости показал и командир батальона Василий Егорович Шехин, один из первых на Пинеге кавалеров ордена Красного Знамени.

Неувядаемой славой вошло в историю гражданской войны на Пинеге имя разведчика Константина Афанасьевича Тюрапина, участника боевого рейда из Усть-Почи в тыл врага, к деревне Прилук. Окруженный белогвардейцами, «несмотря на полученное ранение, отстреливался до последнего патрона. Когда не осталось ни одного патрона, а белые подошли вплотную и предлагали ему сдаться, К. А. Тюрапин со словами «красные не сдаются» бросил имевшуюся у него бомбу, осколками которой был убит вместе с окружившими его врагами»¹.

В гражданскую войну на Пинеге не было линии фронта в обычном понимании. Противники стояли в деревнях друг против друга, а в стороны от реки и деревень простирались леса, по которым не могла тянуться линия фронта. В таких условиях для разведки и боевых рейдов в тылу противника имелись большие возможности и советское командование успешно их использовало.

Кирилл Просвиряков рассказал о смелом разведчике-партизане Михаиле Зотиковиче Кузнецове. Участник штурма Зимнего дворца, он командовал разведчиками. Однажды смелым наездом захватили белогвардейскую заставу в Чубласе, на тракте

¹ «Северный фронт, 1918—1920. Документы». М., 1961.

Усть-Ежуга — Лешуконовское. Дерзки смелым был и такой поступок Кузнецова. Белые протягивали по лесу телефонный провод с Пинеги на Мезень. Кузнецов узнал об этом. Он со своими разведчиками шел вслед за белогвардейцами и сматывал провод.

Трудные переходы лесом от Вершинской Горы на Тиневу доал участников гражданской войны, в парткабинете райкома дали разведчики под командованием В. А. Баскакова. Они вела выставлена экспозиция, посвященная гражданской войне, ходили в тыл белых в Петрову Гору и в Вешкому. Разведыватели выступали на собраниях.

Максим Немиров летом девятнадцатого года был в селе Вонге. О возросшем в этот период внимании к событиям и героям где размещался гарнизон белогвардейцев и англичан, а в торговит и такой факт. Юный храбрый разведчик Михаил Перкилометрах, в Пинеге, находился штаб белогвардейского фронтишин не дожид до победы, погиб в феврале девятнадцатого та. На свадебном пиру в Вонге Немиров добыл ценные сведения. Тело партизана привезли в родную деревню и похоронили. На кладбище, на Поклонной горе. Будучи там ния, за что был награжден орденом Красного Знамени. Храни на устьевском кладбище, на Поклонной горе. Будучи там рый девятнадцатилетний разведчик Михаил Первышин не р 1956 году, я попросил показать могилу героя. Пошли на кладприводил белых «языков». Надежным и опытным проводником. Трое местных жителей, из которых один был на похоро советских разведчиков в лесах Покшеньги был партизан Манах, напрягают память, чтобы установить место погребения сым Минин, крестьянин из деревни Агафоново. партизана-земляка. Наконец, они приходят к единодушному

Летом 1919 года член Архангельского губисполкома Ивыводу: Яковлевич Гагарин прошел просеками и лесными тропами — Вот здесь, у дороги, над обрывом, у дерева. Здесь! Северной Двины на Покшеньгу, в деревню Земцово для пров. Песчаный могильный холмик размыли дожди. От деревяннения политической работы в тылу врага. Отсюда Гагарин со ой ограды и памятника не осталось и следа. Памятником стоит правил в глубокий тыл белых трех человек: Большакова —осна, усыпавшая мертвыми иглами хвои место погребения. Пинегу, Тяпкова и Лыткина — в Вешкому. Там они отыска В следующую поездку снова был здесь. На могиле М. Перышина стоял деревянный обелиск с краткой надписью. Могила сочувствующих большевикам, которые взялись распространя бнесена оградкой. На холмике лежал букет полевых цветов — советскую литературу. Большаков не вернулся, бнесена оградкой. На холмике лежал букет полевых цветов — был схвачен белогвардейской контрразведкой и расстрел, ромный знак памяти о герое. Мы видели в порядке братские И. Я. Гагарин тем же путем вернулся на Северную Дви огили в Нюхче, Чаколе, Карпогорах, Пинеге. Жаль, что обе ски на них безымянны. «20 красных партизан, погибших в оставив «на память» белогвардейцам в лесной избе, в тылу с ях за Родину в 1918—1920 годах» — читаем на памятнике в лых, надпись: «Здесь был в августе 1919 года член Архангел аколе. Могила неизвестных солдат. ского губисполкома И. Гагарин».

В истории борьбы за Советскую Пинегу важное место пр иской войны на Пинеге самого молодого добровольца Анисна принадлежит Верколе. Это село в 1918—1919 годах было уездн Никулина. Шестнадцатилетним пареньком он вступил в Шарцентром. Здесь, в зданиях бывшего монастыря, седьмого нояб немеский отряд, на знамени которого Евдоким Опарина выши1918 года состоялся чрезвычайный уездный съезд Советов. узкой ленточкой: «Мы за власть Советов умрем, или побеи». Позднее А. П. Никулин получил военно-политическое обнем избрали уездный исполнительный комитет. Председател зование. Ныне пенсионер. Живет он в Ленинграде, но почти исполкома был избран Александр Николаевич Никулин. В Ве сегодня приезжает на Пинегу. Летом 1960 года проплыл на коле же в январе 1919 года было создано уездное организаци оту часть маршрута, по которому прошел отряд Кулакова — ное бюро большевистской партии. В его состав вош енникова. Встречаясь с участниками гражданской войны, он К. Ф. Щеголихин, А. И. Ширяев, П. И. Нартин. В марте состо сстанавливает даты, места, имена, связанные с событиями лась первая уездная партийная конференция.

Зайдя на территорию бывшего монастыря, я ожидал увиде 18—1920 годов на Пинеге. Если Веркола в период гражданской войны длительное вре на зданиях мемориальные доски с указанием исторических б была советским центром, то город (ныне село) Пинега — бытий и имен. Монастырские стены молчали...

центром белогвардейского управления. Здесь находился военный штаб фронта и земская управа, в которой сидели кулаки и эсерствующие интеллигенты. На территории, где хозяйничали белые, их пропаганда не могла рассеять недоверия широких народных масс к интервентам, террор не мог сломить попыток борьбы против белогвардейского режима. Показательны в этом отношении события в Пинеге весной 1919 года.

Солдат, мобилизованных в белую армию из пинежских деревень, выстроили перед отправкой на фронт. Начальник штаба спросил, какие у них есть претензии. Наряду с невинной просьбой отпустить домой на время сева, политическим протестом прозвучал вопрос солдата Т. Н. Шапкина, цимольского крестьянина:

— Справедливо ли воевать против своих же братьев крестьян и лесорубов?..

Полковник не рискнул пускаться в политическую дискуссию, понимая, что слушатели-солдаты не на его стороне. Он обещал вопросы передать командующему и приказал погружаться в баржи для отправки к фронту.

Солдаты Т. Шапкин, А. Вешняков, В. Маежев и Я. Рацнеге, Шардомени, Вонге, Верколе и других мест. В июле этого года они объединились в уездную комсомольскую организацию. Более четырех десятилетий прошло с тех пор, как по Пинеге шла военная плотовая флотилия с первым красноармейским отрядом, как в доме Кузнецова, в Шардомени, шла борьба с боем прорвать фронт белых и присоединиться к советским войскам. Рашев не поддержал этого плана и, когда казались в партизаны, как по заснеженным лесным дебрям в тыл отряд подошел к Шуломени, вывесил белый флаг. Бебяков ходили разведчики Смелкова, как сотрясалась Поча от обстрела... Некоторые участники гражданской войны на Пинеге умножили славу в Великой Отечественной войне, Командир батареи, обстреливавшей Высокую Гору и защищавшей Усть-Почу, Д. Г. Максимов, подполковник, метко бил фашистов под Ленинградом.

В числе других десяти участников восстания, погибших в боях, похороненных в Пинеге в братской могиле, покоится прах Тимофея Шапкина, Алексея Вешнякова и Василия Маежева.

Победа над интервентами и белыми пришла на Север в феврале 1920 года. Под натиском советских войск на решающих участках Северного фронта: Железнодорожном и Двинском враг был разбит. Войска Пинежского участка Северного фронта в конце 1919 года были эвакуированы по проложенной через дорогу из Шиднемы (на Пинеге) в Романов Остров (на Восточном берегу) в Горку. Вместе с Красной Армией ушли и советские работники. Среди них ушел и председатель Михайловского

исполкома Петр Дородный, который и доныне хранит на сдаче в Верхней Тойме казны Михайловского исполкома.

С ликвидацией интервенции на Севере затихли бои на Пинеге. Но с последними фронтовыми выстрелами не кончилась борьба. В деревнях старожилы расскажут много примеров о том, как, несмотря на противодействие цеплявшегося за старое врага, шло укрепление, утверждение нового. Враг старался использовать любые лазейки: отсталые настроения крестьян, всяческие предрассудки. В Кулогорах выбили стекла в доме члена сельсовета беднячки К. П. Поспеловой. В Чуселе избили М. П. Федухина за то, что он вступил в партию. В Кобелеве отец выгнал из дома Федора Щеголихина, посмеявшегося вступить в комсомол. И только позднее старший Щеголихин понял свою ошибку, примирился с сыном. В Вахтиной Горе Сеня Заборский, несмотря на решительный протест отца, снял со своей шеи

в двадцатые годы в строй борьбы за новое вступил комсомол. Первые комсомольские ячейки возникли в 1920 году в Пинеге, Шардомени, Вонге, Верколе и других местах. В июле этого года они объединились в уездную комсомольскую организацию.

Более четырех десятилетий прошло с тех пор, как по Пинеге шла военная плотовая флотилия с первым красноармейским отрядом, как в доме Кузнецова, в Шардомени, шла борьба с боем прорвать фронт белых и присоединиться к советским войскам. Рашев не поддержал этого плана и, когда казались в партизаны, как по заснеженным лесным дебрям в тыл отряд подошел к Шуломени, вывесил белый флаг. Бебяков ходили разведчики Смелкова, как сотрясалась Поча от обстрела...

Некоторые участники гражданской войны на Пинеге умножили славу в Великой Отечественной войне, Командир батареи, обстреливавшей Высокую Гору и защищавшей Усть-Почу, Д. Г. Максимов, подполковник, метко бил фашистов под Ленинградом.

В Карпогорах стоит памятник-obelisk старшему сержанту Героя Советского Союза бывшему рабочему Пиринемского лесопункта Михаилу Федотовичу Теплому.

...Небольшой советский артиллерийский плацдарм фашистские танки сжимали кольцом. Над замаскированным орудием командира Теплова с визгом летели вражеские снаряды. Меткие выстрелы из советской пушки заставили фашистских «тигров» отступить. Гитлеровцы решили взять героев живыми и направили на них цепь эсэсовцев. Семь гвардейцев во главе с Тепловым

вым продолжали отстаивать плацдарм. Фашистам удалось ворваться в окоп и броситься на храбрецов. В рукопашной схватке шесть советских героев погибли. Оставшись один, истекая кровью, сержант Михаил Теплов последней гранатой взорвал себя и окруживших его пятерых фашистов.

В годы гражданской войны советские воины пели на Пинежскую песню, отдельные куплеты которой приведу:

На нашем, на Пинежском фронте,
В низинах болотистых мхов,
Там бьются герои за правду,
За счастье грядущих годов.
Мы битву закончим победой
Могучей и славной рукой.
За правое дело, товарищи, выйдем
В последний решительный бой.
И дружно мы скинем оковы,
Тот долгий мучительный гнет.
Тогда над землею усталой
Великое солнце взойдет!

Автором песни был красноармеец Александр Терентьев.

Критики найдут в этом произведении штампы, подражания, смысловые повторения и другие литературные грехи. Не на суих привожу песню тех суровых лет, когда она звала советских бойцов на подвиги и вселяла веру в победу. Шла она по пинежским лесам от сердца автора и исполнителей.

Тех дней не смолкнет слава. Памятником борьбы является новая жизнь в лесном крае. Одно из ярких проявлений ее видно в культурной революции.

В ВЕК МИНУВШИЙ И В ВЕК НЫНЕШНИЙ

БАРОМЕТР

Жизнь современного Пинежья дает яркие примеры перестройки быта и культурного роста деревни. Многие из старого ушло безвозвратно и не имеет сейчас под собой никакой почвы. Бессмысленно, например, выглядел бы ныне старый свадебный обряд, когда невеста «ревела» — громко плакала под припитания и свадебные песни. Брак тогда часто решался не чувством молодого сердца, а по приказу родных. Свадьба означала прощание с девичьей волей, уход под полную власть мужа.

Помню, как истерически разрыдалась невеста в выйской деревне, когда подружки спели частушку:

Мне не кашивать, не кашивать по Етчуге-реке.
Мне не нашивать, не нашивать колечек на руке.

Частушка подчеркнула конец девичества: замужней женщине не разрешалось носить кольца (кроме обручального); после замужества она должна была уйти в деревню мужа, косить траву на родной речке ей уже не придется.

В наше время брак является добровольным союзом. Какая же невеста будет теперь причитать в объятьях матери:

Девичья жира да лебединая.
Женская жира да распроклятая:
Уж в три года она состарит,
В три неделюшки да напрыскачит.

Жизнь отменила обряд плакания. И это не простая отмена обрядности. Здесь страшается огромное изменение в людских отношениях.

Совсем по-другому одевается теперь народ на Пинеге. Трудно по костюму отличить молодую колхозницу или парня от городской рабочей молодежи. Повойник, женский головной убор можно увидеть только на старых крестьянках в верхнепинегских деревнях, но и то редко. На улице Нюхи я попросил старушку в повойнике задержаться, чтобы сфотографировать ее. Она возразила:

— Как это?.. Что ты! В жизни не снимывалась...

Стал уговаривать. Наконец, она согласилась, но при условии, если и ее соседка-старушка даст согласие сфотографироваться вместе. Пошли к соседке. Совещались они тайно от меня и объявили единогласный отказ:

— Нет, снимай молодых... Вон они нынче как выражаются. Словно барыни! Мы не будем сниматься. Нет, нет! Не будем.

Когда старушка шла к соседке на совещание, я все же поймал ее в профиль на пленку. Теперь, в связи с отказом фотографироваться, мне пришлось покаяться перед ней в этом произволе. В ответ услышал категорическое утверждение:

— Нет, нет! И не говори! Не снималась я, не снималась. Хотя и снимал, а я не снималась...

Будем судить об изменениях в быту не только по тому, что нынче пинежские невесты «не ревут» и старушки перестают носить повойники. Чутким барометром изменений в быту, роста благосостояния и культуры справедливо считается торговля. Посмотреть на такой барометр мы пошли в магазин Выйско-сельпо в деревне Клинье.

В этой деревне до революции на всю волость вел торговля Петрушка. Так крестьяне называли за глаза Петра Мелюкова, маленького старикашку, большого торгового воротилу, богатство которого сверстники помнили нищим. Возникновение богатства Петрушки было темным, а умножение шло за счет скупки у крестьян рябчиков по дешевке и продажи их в Петербургу вдвое дороже. Хорошую прибыль давала и почти монополия на торговлю, хотя и невелик был спрос на товары в деревнях с родного груза — горючего для лесозаготовок и керосина в районе полунатуральным укладом.

В Архангельске я узнал, что раньше володинский пароход «Посыльный» делал до устья Выи два рейса за весну и привозил в трюме около трех тысяч пудов груза. В 1959 году пароходы прибуksировали сюда в баржах сто девять тысяч пудов. Вот как вскочила стрелка барометра!

На барометре торговли не только эти цифры. У служащей сельпо Рансы Толстиковой узнаем, как идет торговля, на что большой спрос. Собеседница, счетовод, не желая быть голословной, нередко заглядывает в пухлую папку документов. Разговор о торговле, по ее мнению, требует точного цифрового языка.

— Мы получили в этом году двадцать швейных машин. Разошлись все до единой. Было сто железных никелированных кроватей. За месяц в магазине не осталось ни одной. А с велосипедами получилось так: весной привезли двадцать штук, несколько машин и в склад не заносили, покупали «на ходу». Опасались, что позднее не достанется. Патефоны? Раньше шли хорошо, теперь — застарелый товар, музыку колхозники из Москвы по радио слушают. Большой спрос на часы хороших марок. Магазин получил пятьдесят китайских салфеток. Поправились: быстро продали их, не хватило. Нарасхват идут клеенка, тюль, гардинное полотно. Простые платки покупают плохо, предпочитают шарфики и косынки. Костюмы спрашивают не дешевые.

Вот что показала стрелка торгового барометра!

Замечается соревнование или, точнее сказать, подражание в приобретении новинок. В деревне Пепино, ниже села Пинеге, несколько лет назад один крестьянин купил патефон. Новинка соседям понравилась. В течение одного-двух лет патефоны приобрели все семьи. Пять лет назад Василий Визжачий первым в этой деревне купил радиоприемник. Теперь приемники у всех, кроме одного колхозника.

Поразительны цифры роста завоза грузов не только в Выйской. В Суру, крупный пункт на Пинеге, центр группы деревень, в 1913 году пароходы завезли 17 910 пудов разных грузов, а в 1960 году в районе Суры выгружено 573 000 пудов, почти в тридцать раз больше!

Такой большой рост ввоза произошел в значительной части за счет технических грузов, в которых во времена топора и горючего не было нужды. Так, в 1913 году для освещения требовалось всего двести сорок пудов керосина, а в 1960 году одногорючего для лесозаготовок и керосина в районе Суры завезено сто сорок четыре тысячи пудов. Велик рост ввоза

и товаров народного потребления. Так, например, сахару и конфект в 1960 году поступило четырнадцать тысяч пудов, в тридцать раз больше, чем в 1913 году.

Особенно возрос завоз грузов на Пинегу в последние годы в связи с увеличением лесозаготовок, техническим оснащением их, созданием постоянных кадров в лесу, ростом материального благосостояния колхозной деревни. В 1959 году только в самый верхний район Пинеги (на Усть-Вьел и Горку) было завезено столько же грузов, сколько на всю Пинегу в 1924 году.

Мал был спрос в выйских деревнях и на продовольственные, и на промышленные товары. Муку покупали при самой крайней нужде. Довольствовались «житниками», испеченными из своей ячменной муки с большой примесью мякины. Распространенным горячим блюдом был «бурдук»: в горячую соленую воду засыпалась и замешивалась ячменная мука. Получался, по существу, жидкий горячий ячменный клейстер. А тогда муку замешивали густо и тогда из горшка вываливалось, сохраняя округлую форму, горячее тесто. Это — «каша-повалиха». Если время было не постное, то к повалихе на стол подавалось не только толокно, но и молоко или масло. На сладкое блюдо полагалась пареная репа.

В последнюю поездку зашла речь с колхозниками о пище раньше и теперь. Один из собеседников заметил:

— Повалиха?! Да теперь, пожалуй, пшенной каши не хотим. Рисовую подавай!

Чаепитие в прошлом разрешали себе только в праздники, а ежедневно — лишь на сенокосе. Самовары имели не все. Кто победней, кипятил воду в русской печи.

Для повседневной носки надевали домотканую одежду. В домах стояли ткацкие станки — «красна», известные ныне только по музейным экспозициям старого деревенского быта. В праздники девушки надевали сарафаны из «аглицкого» материала. Праздничное одеяние, сложенное в сундуки, иногда обслуживало не одно поколение. И уж если кто-либо купил Петрушки в лавке готовый пиджак, то ходил в нем долго, сохраняя на наружной стороне полы большую бумажную этикетку. Пусть видят: пиджак купленный, новый!

Экономили и на керосине. Осветительный материал рос в лесу. Свет в зимние вечера давала березовая лучина, вставленная в «светец». У горящей лучины хватало места и крестьянке с прялкой, и хозяйке, занятому починкой хомута, и школьнику с грифельной доской. Не без дела сидели младшие дети. Они

следили за опнем, обламывали обуглившийся конец лучины. Уполек падал в корыто с водой, из конца лучинки тонкой струйкой взвивался дымок, а вслед за ним и огонек вспыхивал ярче.

Посуду: ведра, миски, ковши, солонки — делали из дерева, крынки для молока — из глины, маленькие ведерки (туесы) — из бересты. В деревне Романов Остров Толстиков, старый крестьянин, помнил, когда в их деревне появился первый металлический ковш. На ребенка он произвел тогда не меньшее впечатление, чем в наши годы на детей первый в деревне автомобиль.

— И пить не хотелось, а возьмешь эту диковину (ковш-то из железа!) в руки, зачерпнешь в деревянном ведре воду и пьешь. Не хочется пить, а пьешь...

А часы? В большой деревне Окуловке стальные были только в волостном правлении. Карманные часы носили лишь приезжие лесные приказчики. Время измерялось такими определениями, как утро, полдень, или обед, паузин, ужин или вечер. Было еще одно мерило времени: петушиное пение. «До первых петухов сидели» — значит, очень поздно легли спать. Слово «час» было не распространенным понятием и, возможно, не определенной мерой времени. Наверно, поэтому один из моих сверстников, Вася-«сибиряк», обращаясь однажды к своей матери, сказал:

— Мама, пойдем посним три аршина...

Старую меру длины он принял за меру времени. Понятие часа ему было неизвестно.

Время шагнуло вперед. И не «аршинами» и не часами. Шагнуло эпохой! Революция изменила быт. Труд на государство и на колхоз стал трудом и на себя.

В ЖИЗНИ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

Изменения в быту, в культуре нельзя измерить только спрысн на часы и мыло, хотя неверно было бы и это сбрасывать счсга.

Плуг культурной революции глубоко вспахал жизнь в пшсжских деревнях. Из всех четырехсот крестьянских дворов

Гавриловской волости только два выписывали до революции газеты: Осип Большаков в Василеве — «Сельский вестник», царским орлом в заголовке, и Николай Кулижский в Новинках — «Биржевые ведомости». Подписчик не занимался торговыми делами, эту газетенку выписывал, быть может, ради хроники происшествий, смачно подававшихся в ней. Две газетки на четыреста дворов! Государственная почта сюда не ходила. Ближайшее почтовое отделение находилось в Верхней Тойме за сто пятьдесят километров. Раз в неделю корреспонденцию привозил земский почтальон Карушев.

Два почтовых отделения в бывшей Гавриловской волости ныне в Выйском сельсовете, в 1956 году имели подписчиков 596 газет и 131 журнал! Почта приходит теперь сюда ежедневно.

О том, какие большие перемены произошли на Пинеге в родном образовании, видно на примере трех поколений ольшанских семьи из деревни Романов Остров.

Старшее поколение представляет дед Василий Дмитриев Толстиков. Когда я встретился с ним в 1960 году, ему было семьдесят шесть лет. Для своего возраста он был бодр. Каждое утро с длинным посохом в руке шагал на поле посматривать, что стало за минувшие сутки с ячменем. На посох не переставлял его как стариковскую принадлежность. До глубокой старости сохранил зрение, читал без очков. Голос и бодрость объяснил так:

— Вина не пью, табаку не курю, богу не молюсь. Вот так и матюгаюсь...

Надо думать, что последнее обстоятельство в действительности не оказывает влияния на долголетие...

Василий Толстиков в детские годы учился в Никитинской начальной школе. Тогда, в восьмидесятые годы прошлого века, на двадцать девять деревень, в радиусе на десятки верст, это было единственное училище. В те годы чиновник по крестьянским делам Флеров сообщал губернскому начальству, в Гавриловской волости из 1254 мужчин грамотных 103, 1255 женщин — две грамотные.

Никитинская школа существовала с 1861 года. Училилось в ней, как пишет чиновник, в 1880 году пятнадцать детей, и один из них не окончил училище. Проучился в школе только один год и Василий Толстиков. Ходить в училище за пятнадцать верст было тяжело да и полученной грамоты хватало, что прочесть солдатское письмо.

Так обстояло школьное дело в детские годы деда, во второй половине прошлого века.

Представитель второго поколения Толстиковых — Александр Васильевич учился в первое десятилетие этого века. Тогда в волости было уже три начальных школы. Окончив училище в своей деревне, Александр, по совету учителя Долинова, поехал учиться в городское училище. Это учебное заведение по сроку обучения соответствовало современной семилетке. Ближайшее от гавриловских деревень училище находилось за двести пятьдесят верст, в Красноборске, на Северной Двине.

За всю дореволюционную историю гавриловских деревень семилетку окончили только три крестьянских паренька: Александр Толстиков, Афанасий и Григорий Порывкины. Дальше семилетки ушли лишь двое: Афанасий стал учителем, Григорий — фельдшером (уже в советское время он окончил медицинский институт).

Вот такие шаги сделало народное образование в школьные годы второго поколения Толстиковых. Небольшие это шаги, если сравнивать с образованием в первые десятилетия этого века.

Невысоко от уровня восьмидесятых годов поднялось и женское образование. В первые годы нынешнего века в Никитинской училище поступило тридцать детей, из них — только одна девочка окончила школу. Только одна!

На весь Пинежский уезд до революции не было ни одной средней школы, ни мужской, ни женской гимназии. Первое начальное училище в уездном городе Пинеге, где было шестьсот учеников, открылось в 1845 году. Председатель государственного совета князь Гагарин через девятнадцать лет представил царю проект преобразования Пинежского приходского училища в двухклассное с учреждением одноклассного училища. Царица на проекте написала: «Быть по сему» и отдала городу деньги, но не на школу, а на постройку каменной церкви.

Третье поколение Толстиковых училось в советское время. Там, где в восьмидесятых годах прошлого века была одна начальная школа, где накануне революции обучали детей четыре учителя, ныне — две своих восьмилетки, три начальных школы и двадцать три педагога, из которых десять — свои, из местных деревень. В числе их учительница Осяткинской школы Валентина Александровна — представитель третьего поколения Толстиковых.

Уже в 1962 году в Пинежском крае было четыре средние школы: в Суре, Пинеге, Карпогорах и Горке. Кроме них, имелось девятнадцать восьмилеток.

Трудно перечислить, сколько ныне людей из пинежских деревень перешагнули порог высших учебных заведений. Они не только учатся в институтах, но и ведут научную работу, преподают в высших учебных заведениях. Под Москвой, в исследовательском институте работает кончивший два высших учебных заведения, автор более сорока научных работ по биологической физике, кандидат наук А. Н. Мелюков. Им закончена диссертация на соискание ученой степени доктора наук. В Москве работает А. И. Мелюкова — автор многих научных работ

Всюду лес...

археологии. Она уроженка Гавриловской волости, где шестьдесят лет назад Никитинскую начальную школу окончила только одна девочка.

Пожалуй, не назовешь сейчас на Пинеге села, откуда молодежь не нашла дорогу в высшую школу.

Мы сидели со старой карпогорской учительницей Павлой Федоровной Фофановой в ее квартире, где на всем лежал

печатак аккуратности и чистоты. Только радушная, приветливая встреча позволяла чувствовать себя свободно и забыть, что забрался сюда в пыльных походных сапогах.

— И где, и кем только не работают выпускники нашей школы, — говорила учительница. — Из первого выпуска Карпогорской средней школы, а он был в 1937 году, — писатель и преподаватель Ленинградского университета Федор Абрамов. А сколько из всех двадцати выпусков рассеялось по стране наших учеников. Ведущим инженером в одном из исследовательских институтов Ленинграда работает карпогорец Михаил Беляев. Сергей Суховерхов из Шатовой Горы — доцент педагогического института. Петр Задорин и Василий Суховерхов — инженеры, один в Выксе, другой в Воронеже. Григорий Щербаков из Покшеньги — кандидат наук. Инженерами стали и девушки: Нина Нартинна из Немноги — на Урале, Антонина Черноусова из Суры — в Донбассе. И у нас, на Пинеге, много теперь врачей и учителей из местного населения, Першина, Земцовская и Хамкова — врачи-пинежанки. В. П. Завернина — директор Карпогорской школы. А о лесниках с образованием и говорить нечего. Вот и в Карпогорах главный инженер леспромхоза Михаил Земцовский — наш выпускник. Пинежане — лесные инженеры есть и на Северной Двине, и в Марийской республике...

Карпогорская учительница гордится учениками, не только перешагнувшими порог высшей школы. С гордостью называет она имя Виктора Чеманина, выпускника десятилетки, тракториста колхоза «Красный партизан». В колхозе имени Быстрова с похвалой отзываются об окончившем Карпогорскую школу Юрии Щепоткине, хорошем машинисте.

В наше время получение высшего образования деревенскими парнями и девушками уже не является каким-то выдающимся фактом. Живем при советском строе! Теперь примечательно другое. Выпускники средних школ идут работать в леспромхозы и в колхозы. Около пятидесяти выпускников Пинежской десятилетки работают механизаторами, доярками, радиотехниками в колхозах. Есть и такие, кто после производственной работы выбрал профессию и пошел учиться дальше. Галина Рублева окончила школу с медалью, стала работать дояркой в родном колхозе, трудилась отлично, теперь она — студентка Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Получает сельскохозяйственное образование и выпускница средней школы Диана Прилухина, работавшая дояркой в Сметанце.

Аттестат зрелости у доярки и тракториста — показатель того, что рушится легенда о черном и белом труде, о непреодолимой разности физического и умственного труда. И в этом, несомненно, заслуга школы, прививающей трудовые навыки.

Из окон Карпогорской школы, когда мы подходили к ее зданию, слышались стук молотка, шорох рубанка, пение пилы. В большой классной комнате, оборудованной столярными и слесарными верстаками, шла работа, которой руководил преподаватель по труду Виктор Маркович Бутюков. Десятиклассники Коля Арсентьев, Володя Новиков, Шура Шумилов делают тумбочки, табуретки, вешалки. Материал для них готовил циркулярной пиле, установленной на школьном дворе, Володя Патраков. Школа на уроках по труду подготовила хороших столяров, которые в настоящее время применяют свои знания при приобретенном опыте в строительном деле на практике, в жизни.

Умением и силами учащихся построен птичник и строится здание столярной и слесарной мастерской. Прекрасная плодотворная работа! Трудно поверить, что она выполнена учениками.

В перестройке пинежских школ, в выборе специальности, в создании производственной базы, и другом еще не мало трудностей и поисков. Край нуждается прежде всего в механизаторах сельского хозяйства и лесозаготовок. Завершение перестройки школ, надо надеяться, даст на колхозные поля и фермы, в лесные делянки новые кадры. Это будет содействовать техническому прогрессу в хозяйстве Пинежья, повышению культуры в жизни колхозного села и лесного поселка. Это шире откроет дорогу молодежи к совершенствованию знаний и практической работе, и путем дальнейшего обучения.

ЗА МОНАСТЫРСКИМИ СТЕНАМИ

Когда подплываешь к большому селу Верколе, то на противоположном берегу Пинеги видишь большие каменные здания. В годы мракобесия тут был монастырь. В советское время здесь размещался детский дом, недавно переведенный в село Пинега. Сейчас одно из лучших зданий монастыря используется как школа.

Иная жизнь идет за бывшими монастырскими стенами. Над входом в школьное здание, в котором некогда тунеядство монахов возводилось в добродетель, висит лозунг: «Учись, чтобы трудиться!» Своды монастырских зданий, свидетелей церковной скуки и ханжества, оглашаются жизнерадостными выступлениями детской художественной самодеятельности. Гармонисты Валя Настопырев и Борис Энс, певица Валя Сиренко и другие своим мастерством завоевывали грамоты на районном смотре.

Интересен рассказ Люды Шаманиной о том, как она, Леня Левицкий, Таня Бутакова, Коля Юшманов и еще четыре товарища были в туристском походе в зимние каникулы. За одиннадцать дней школьники прошли на лыжах более двухсот километров. Значительная часть маршрута пролегла девственными лесами.

Туристы видели не замерзающие зимой речки Явренгу и Ертому, познакомились с зимней ловлей рыбы на озере Красный окунь, осмотрели смолокурку, определяли звериные следы на снегу, отыскивали по звездам стороны света, спускались на лыжах с высоких гор, готовили обед на костре, ночевали в лесу — «в полевых условиях»... Сколько интересного, увлекательного! Искреннее спасибо произносится в адрес преподавателя Юрия Петровича Сергеева, организатора туристских походов.

На бывшей монастырской площади, по которой полсотней лет назад бродили черные фигуры монахов, жиревших на дачных харчах, разбита большая цветочная клумба с яркими маками посередине. Она символизирует иную, цветущую жизнь за бывшими монастырскими стенами.

На Пинеге было три монастыря. Легенды о суровом подвизничестве основателей монастырей служили хорошей рекламой для привлечения сюда богомольцев и денег.

Самым старинным монастырем был Красногорский, основанный в 1603 году. Ныне здесь стоит полуразрушенное здание церкви, не представляющее архитектурной ценности, а в жилых постройках помещается дом инвалидов. Вблизи церкви находится могила князя Василия Голицына¹, государственного

¹ Петр I за связь с царевной Софьей сослал Голицына сначала в Каргополь, потом перевел на вечное поселение в Пустозерск, в 1711 году опальный князь, «осчастливленный льготами», был переведен в Пинегу, где через два года умер.

деятели конца XVII в., одного из образованнейших людей своего времени. С именем Голицына старая литература связывает улучшение па Пинеге коневодства. Делается ссылка на то, что князь выписал из Москвы племенных жеребцов. К этому утверждению следует отнестись критически. Существовала теория, что в создании холмогорской породы рогатого скота основную роль сыграли быки, введенные Петром Первым из Голландии. Советские ученые Шапошников и Резников доказали, что холмогорская порода коров (она ныне составляет основное племенное ядро и на Пинеге) создавалась веками благодаря благоприятным двинским условиям, богатым естественными кормовыми угодьями, и совершенствовалась в крестьянских хозяйствах путем умелого племенного отбора. Местная лошадка «мезенка», ценившаяся в старое время и отличавшаяся выносливостью в гужевом транспорте, своим довольно некрасивым видом едва ли может быть отнесена хотя бы к далекому потомству княжеских жеребцов.

Во второй половине прошлого века поп кронштадтского Андреевского собора Иоанн Сергиев основал монастырь на своей родине, в селе Суре.

В дореволюционной России среди мракобесов и кликушесов Иоанн Кронштадтский пользовался большой популярностью. Еще при жизни делал карьеру святого. Горький назвал его «тистом императорских церквей». Старик небольшого роста, редкой бородкой, оловянными глазами, в шелковой нарядной рясе, Иоанн Кронштадтский не раз приезжал в Суру и со своей толпой монашек разъезжал по Пинеге.

...Осмотрев бывшие монастырские постройки, я пошел в полком Сурского сельского Совета. Кто же, как не глава местного Совета, расскажет о переменах в жизни вне монастырских стен и в стенах монастырских.

Я не ошибся. Таисья Петровна Панфилова, председатель исполкома, более двадцати лет служит народу в этих краях. В своем возрасте она не может помнить старое прошлое села. Не видала она и Иоанна Кронштадтского. Но советский государственный деятель по должности, большевистский агитатор по прежней партийной работе и по духу, бывший колхозный вожак, Панфилова хорошо знает прошлое и с увлечением и гордостью рассказывает о переменах в родном крае, которые произошли за советские годы.

— Как-то до революции отмечался юбилей Иоанна Кронштадтского. Местные попы, богатеи и их родственники посла-

ли ему поздравительное письмо. Текст его у меня есть. Юбилея называют «благодетелем, бессребреником, высокопреподобием» и восхваляют его за заботу о родном селе. А какая была забота? Монастырь да церковноприходская школа! Вот и вся «культура» села. Просвещение народа возлагалось на монахишь и церковные проповеди, лечение населения — на святых.

Вы только прикиньте для сравнения, — что теперь имеется в нашем сельсовете. В Суре — средняя одиннадцатилетняя школа, одна из лучших в области, общежитие для школьников. В деревнях — пять начальных школ. В Суре — книжный магазин. В одном из бывших монастырских зданий — клуб. Имеется больница, при врачах! Есть рентгеновский кабинет, готовим родильное отделение. За счет сельского бюджета содержим в селе детский сад и ясли, да колхозы имеют трое яслей. Леспромхоз радиофицировал наш сельсовет. В Суру, Филимоново и Пахурово проведено электричество. Сейчас в каждом доме колхозника горит электрический свет, говорит радио.

Вот как преобразилось село без «заботы благодетеля, бессребреника и высокопреподобия»! Вот что сделано заботой партии, Советов, трудом народа. И сделано, конечно, не «бессребренно», а на государственные, народные средства.

В последнюю поездку по Пинеге я узнал, что Т. П. Панфилова находится на новом посту: она секретарь партийного комитета коммунистов Сурского колхоза. Таисья Петровна стала еще ближе к переднему краю борьбы за подъем сельского хозяйства.

В пинежском селе, где в прошлом в «святой обители» монахи и призывали богомольцев заботиться не о земных благах, а о душе, чтобы «душа» попала в «царство небесное», ныне женщины-коммунистки организуют людей на создание изобилия продуктов, на борьбу за счастливую жизнь на земле.

«ГОСУДАРСТВЕННАЯ БАБУШКА»

Кто интересуется культурой Пинежского края, не может не помнить яркую представительницу поэтической Пинеги, хранительницу в памяти богатого фольклорного наследия, талантливого исполнителя — Марию Дмитриевну Кривополенову.

С жизнью Кривополеновой связан ряд селений. В деревне Усть-Ежуга в 1843 году она родилась. В Шатогорке (Холм) научилась телеграфу от первого народного комиссара по просвещению. Началась ее горькая замужняя жизнь. В деревне Великий Двор она познакомилась с собирательницей фольклора артисткой О. Э. Озаехой. Там она выступала в народном концерте перед делегатами Всероссийской и отсюда в 1915 году поехала в Москву. В Веегорах она жила последние годы своей жизни и там 2 февраля 1924 года скончалась.

Озаровская, очарованная исполнением фольклора пинежской бабушкой, как назвал ее А. В. Луначарский, поехала по городам нищенкой-старушкой Кривополеновой, уговорила ее поехать в Советской России. Была в Петрограде, Твери, Саратове, Харькове, Москве, и в Петрограде. В следующем году совершила большую поездку по стране, побывала в городах Украины и Кавказа. Вся публика встречала сказительницу восторженно. Об оказанном почете Кривополенова рассказывала:

— В Харькове ни на лошадях не ездила, ни ногами не хаживала, носком носили...

Выступления пинежской сказительницы в столичных и крупных городах в последние годы царизма, несомненно, относятся к достижениям демократической культуры. В период мировой войны, в канун крушения самодержавия на злобу дня прозвучала в исполнении М. Д. Кривополеновой былина «Вавило и скоморохи». В ней говорится о том, как бродячие скоморохи совершают царскую власть, на престол садится Вавило-смерд.

Скульптор С. Т. Коненков (ныне лауреат Ленинской премии) выполнил скульптурный портрет сказительницы и вырезал из дерева «Вещую старушку» с узелком и посохом в руках. Героическое общество наградило М. Д. Кривополенову «за полезные научные труды» грамотой и медалью. Неграмотная старушка не могла прочитать, о каких заслугах написано на той бумаге. Не они, эти награды, были дороги ей. Ценила внимание людей к ее выступлениям, любовное теплое отношение, которое проявляли слушатели. Простой пинежской крестьянке тысячи людей жали руки, которые в недалеком прошлом протягивались за подаванием куса хлеба «ради Христа».

В годы интервенции Кривополенова жила на Пинеге. Интенты интересовались лесом и пушниной, фольклор на экспорт шел. Белогвардейские правители не вспомнили о своей замечательной землячке. Подарки и заработок от прошлых выступлений очень скоро растащили многочисленные родственники, ранее признававшие никакого родства с нищенкой. Вновь пришлось брать милостыню.

Но после того, как Север стал советским, Кривополенова получила телеграмму от первого народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского с приглашением, если согласна, принять академическую пенсию и писк. Из Москвы «государственная бабушка», как назвал ее А. В. Луначарский, поехала по городам Советской России. Была в Петрограде, Твери, Саратове, Харькове, Москве, и в Петрограде. В следующем году совершила большую поездку по стране, побывала в городах Украины и Кавказа. Вся публика встречала сказительницу восторженно. Об оказанном почете Кривополенова рассказывала:

— В Харькове ни на лошадях не ездила, ни ногами не хаживала, носком носили...

Пинежский учитель В. И. Стирманов, знавший Кривополенову с детства, рассказывал нам, что на пинежских деревенских вечеринках бабушка была желанным человеком.

— Летом в 1921 году, — рассказывает Стирманов, — мне пришлось быть в Москве. Смотрю, афиша: в зале консерватории выступит сказительница Кривополенова. С трудом достал билет на балкон. Наша «Махонька» — на столичной сцене. «Махонькой» звали Марию Дмитриевну в деревне за очень маленький рост, да прозвище это созвучно было ее имени. Запела бабушка «Посейте лен». А перед этим предупредила публику: «Как руцкой махну, платоцьком тряхну — всем припевать». Студенты консерватории подхватывали припев дружно и слаженно.

По окончании концерта многие забрались на сцену. Как пуцкину, подняли бабушку на руки, обнимали, целовали.

...В Чаколе на сельское кладбище, на могилу «государственной бабушки», взялся проводить нас рабочий сплава Кузьма Попов. Проводник молод. Он родился, когда Кривополеновой уже было в живых. Но о своей славной землячке знает много. Был и на ее могиле со школьной экскурсией.

Лесная дорога приводит на сельское кладбище. На нем много старых восьмиконечных крестов, могил без всяких памятников или с воткнутой на могильный бугорок палкой; есть столбики, покрытые красной краской и увенчанные звездочкой. Недалеко от дороги могильный холм с цементным обелиском. На нем вычено: «Кривополенова Мария Дмитриевна. Сказительница русских былин. 1843—1924». Могила обнесена деревянной оградой. К ней прислонен старый деревянный памятник,

поставленный Озаровской через год после смерти славной пинежанки.

Нет, это не все, что осталось от «государственной бабушки». В русскую культуру, в сокровищницу народного поэтического творчества, вошли талантливые произведения, донесенные на память выдающейся сказительницы. Они вошли в литературу и будут жить.

Широко известны пинежские сказительницы более позднего времени. А. И. Гладкобородова (1893—1943), уроженка Конегорья. Она оставила богатые и яркие по языку сказы «О мудром поморе Ломоносове», «Истрепал Гитлер смазные сапоги», «О Ленине» и др. Сказительница А. Е. Суховерхова, родом из Шотской Горы, выступала на концерте в Москве в День Победы. Пинежские сказительницы, песенницы, знатоки фольклора и бытовых обрядов много способствовали славе Государственного Северного русского народного хора.

КРАЕВЕДЫ

Интересен Пинежский лесной край. Огромные преобразования произошли здесь за несколько советских десятилетий. Много сегодня уже ушло в историю. То, что сегодня является новым, через десятилетия заменится другим, более передовым. Сравнение со старым и определяет понятие нового.

Изучение прошлого, собирание материала о людях, которые оставили заметный след на родной земле, знакомство с героями нашими современниками, познание природы и богатств края — все это обогащает понимание великих свершений, воспитывает признательность к людям, украшающим жизнь, воспитывает любовь к Родине.

Время уносит события. Немного осталось на Пинеге и вестей о героях гражданской войны, и организаторов первых колхозов, пионеров индустриализации лесного Севера. Теряются в памяти события, даты, факты, имена. В этом приходилось не раз убедиться в походе по Пинеге.

В Шардомени я хотел сфотографировать дом Германа Кузнецова, в котором формировался первый партизанский отряд. В одном из крайних домов спросил деда, как пройти к этому историческому месту. Дед встретил вопрос с недоумением:

— Дом Германа Кузнецова? Не было у нас такого дома.

— Как же не было! Историк гражданской войны на Пинеге Анисим Никулин, ваш односельчанин, рассказывает об этом.

— Сима Никулин? Как же, хорошо его знаю. А Германа Кузнецова?.. Я сам был в отряде. Такого не было.

На наш разговор сходятся соседи. И только с их помощью старик вспоминает, что, действительно, существовал такой Герман и был у него дом. Затем между собравшимися затевается горячий спор о том, существует ли этот дом ныне или на том месте стоит другой. Разобраться в истине трудно, так как сведения противоречивы. В памяти современников не удержался шардомемский «арсенал» партизанского отряда.

Пройдут десятилетия. Кто будет знать героев первых лесных пятилеток, кто расскажет о земляках — героях Великой Отечественной войны, кто запомнит первых пинежских доярок с аттестатом зрелости... Какие события из нашей современности, становясь позднее фактами прошлого, станут помогать строить будущее, воспитывая людей на примерах борьбы и труда старших поколений? Вот с такими мыслями я ожидал увидеть на Пинеге богатый краеведческий музей. Есть о чем рассказать пинежанам: о преданиях старины далекой, и о делах минувших дней, и о подвигах современников, и о красоте и богатствах лесного края. Ожидание объяснялось и тем, что еще в двадцатые годы я слышал об активной работе местных краеведов. Тогда работали краеведческие кружки в Шотгорской и Ерконеминой школах. Учителем Марьегорской школы С. Н. Томилов организовал школьный краеведческий музей. Он собрал материал по истории села, копии исторических документов, сведения о природе и экономике, предметы старой домашней утвари.

На пригорке стоит хорошее здание Марьегорской начальной школы. В сравнении с ним деревенская изба, где раньше ютилась школа, выглядит убогой. Тоже страница истории! Заведующая школой А. С. Семенова поведала, что после смерти Томилова музей не стало. Не сохранилась в целости и опись экспонатов. Оставшиеся экспонаты свалены в углу кладовки.

После Томилова сменилось пять заведующих школой. Трудно сказать, кто первый проявил такое неуважение к работе учителя-краеведа. Никто не принял краеведческую эстафету.

Нечто подобное произошло и в Выйской школе. Несколько лет назад директор школы А. И. Дунаев начал собирать материал по истории верхнепинежского района. Помог ему в этой работе редактор районной газеты А. Тунгусов. Дунаев из школы ушел.

И когда в 1959 году Выйскую школу принял Г. А. Мосеев и решил создать краеведческий уголок, то никаких ранее собранных материалов отыскать не мог. Эстафета и здесь оборвалась.

После огорчений, причиненных небрежением к краеведческим делам на Вые и в Марынной Горе, я был вознагражден знакомством с большой краеведческой работой, какая проводится в Пинежской средней школе. К изучению края здесь привлечены учащиеся, и краеведческий материал все время пополняется результатами туристских походов.

Организует походы Александр Васильевич Верин, учитель истории, краевед, влюбленный в Пинежский край.

За стаканом чаю, приправленным чудесным вареньем из арктических лесных ягод, мы сидим с Александром Васильевичем в его квартире, в новом доме, построенном недавно для сельской интеллигенции. Гостеприимный хозяин рассказывает:

— Туристские походы в школе вошли в традицию. У нас свой флот, четыре «судовых единицы». На буксире парохода поднимаемся по реке против течения, а потом самостоятельно спускаемся. В пути — интересные встречи с ветеранами гражданской войны, знакомство с передовыми людьми колхозов, находки партизанского оружия и предметов старинных орудий промысла, например, кремневых ружей. Возвращаемся не с пустыми руками.

В пути ведем карту похода. Наносим на нее памятные места гражданской войны, географические пункты, места природного богатства. Немало работы и юным фотографам. Надо запечатлеть исторические места, красивые пейзажи, участников гражданской войны, быт туристов.

Хорошую работу проводит Пинежская средняя школа! Туристские походы сегодня приносят большие плоды, воспитывая школьников любовь к родному краю, расширяют их познания истории, ботанике, геологии. Путешествия развивают чувство патриотизма, закаляют физически. Походы принесут плоды и в будущем. В селе Пинеге на общественных началах создается музей, и он окажет добрую услугу следующим поколениям.

Тематика краеведческой работы пока не широка. Внимание сосредоточивается преимущественно на истории гражданской войны. Это — важная тема и с познавательной, и с воспитательной стороны. Понятен и большой интерес учеников к героине Павлики Корчагина и «Школа» Аркадия Гайдара. Хотелось, чтобы тематика краеведов расширялась и темами по истории колхозов и по экономике края. И, конечно же, в музее должен быть раздел, посвященный лесу, основной отрасли хозяйства Пинежского края.

Уместны здесь материалы и о значении леса в природе и в экономике, и по истории освоения лесов края, и о работе передовиков. Не обидно ли будет пинежанам, если увезенная недавно из Кулогор берестяная лямка, с какой раньше таскали лес по Кулогоре, окажется последней и ее можно будет увидеть только в Ленинграде.

Ценными для музея явятся снимки местного фотографа и краеведа И. П. Губкина. Сколько интересных фактов запечатлено на фотобумагу! В его архиве есть фотография, на которой изображен самолет первых советских конструкций. Около самолета нагты в оленьей упряжке. И конечно, большая толпа любителей. Это прилет первого самолета в Пинегу в 1925 году. Вел его известный полярный летчик Б. Чухновский.

Давно ведет краеведческую работу на Пинеге Василий Иванович Стирманов, учитель-пенсионер, участник гражданской войны. Вместе с бывшим секретарем уездного комитета комсомола Сергеем Павловым он руководил большим туристским походом из Верколы до Пинеги. В Высокой Горе он рассказывал ребятам, как разворачивался здесь бой за важный стратегический пункт Пинежского фронта. Затаив дыхание, слушали школьники рассказ учителя, который был участником героических событий, знает, где стояли пулеметы, откуда била пушка по белякам.

Бывал он с туристами в местах, где жила М. Д. Кривополева. Литературный кружок Пинежской школы под руководством Стирманова составил альбом, посвященный поэтическому народному творчеству. В нем записи сказов Кривополеновой, газетные вырезки о ней, воспоминания, рисунки, хорошо выполненные ученицей Люсей Лагуновой.

В течение многих лет Василий Иванович собирает фотографии участников гражданской войны на Пинеге. В итоге больших трудных поисков (ведь многих из участников нет в живых) он оформил альбом. Нет в нем фотографии помощника начальника оперативной части штаба Пинежского фронта: большая скромность автора альбома не позволила найти в нем место для своей фотографии.

В. И. Стирманов щедро делится краеведческими познаниями. Он ведет большую переписку с научными работниками Ленинграда и многими музеями. Кто приезжает в село и проявляет интерес к Пинежью, не проходит мимо квартиры гостеприимного и очень интересного краеведа. Бывали у него и ученые, и московские студенты, и архангельские пионеры, и писатели... И кто побывал, не пожалеет времени, проведенного в беседе со знатоком

края. Но и он не отпустит собеседника, не выведав у него интересное и неизвестное о Пинеге. Узнав от меня о Запасове, о котором раньше не слыхал, Стирманов сделал записи в тетради. Конечно, сведения о пинежском новоземельце не будут лежать под спудом.

Инвалидность не позволила Василию Ивановичу продолжать педагогическую работу в школе. Но Стирманов полон энергии, интереса к родному краю, желания познать его больше и передать свои знания людям.

— Не оставляет меня такая мысль, — говорил он, когда мы расставались. — Ведь каждая деревня в прошлом имела что-то свое, примечательное, интересное... А сколько замечательного свершается сейчас и в экономике, и в быту, и в психологии людей. Вот бы и записать все примечательное.

Прав пинежский краевед, разведчик прошлых событий, искатель современных фактов из неповторимых героических лет борьбы за коммунизм.

Целовальник (продавец вина) Кулойской заставы Лука Федухин около двухсот лет назад записал: «Волдокурского погоста церковный дьячек Федот Коротков купил ис казны про себя выпить полведра вина... Юрельского Холму поп Никита Иванов купил на праздник на Петров день полведра вина». А ниже эта запись подтверждается подписью: «Я поп Никита за вино денег платил и руку приложил». Так увековечен ничтожный факт жизни юрельских духовных отцов.

А сколько сейчас действительно интересных событий в юрельских колхозных деревнях! Это и переход на денежную оплату труда колхозников, и работа на фермах доярок с аттестатом зрелости, и увеличение удоев молока от коров почти в три раза за пятилетие... Пусть эти и другие факты войдут в юрельскую летопись и через много лет расскажут, как работали предки, изменившие жизнь деревни, перестраивавшие мир.

А. М. Горький очень хорошо определил политическую привлекательность изучения прошлого, когда выступал за составление истории заводов: «Все познается сравнением и для того, чтобы правильно оценить настоящее, необходимо знать прошлое». К истории деревень и особенно к истории лесозаготовок горьковские слова применимы еще в большей мере.

ЭТО — НАШ ЛЕС

МЕХАНИЧЕСКАЯ ПИЛА — НА СМЕНУ ТОПОРУ

Какие бы перемены на берегах Пинеги ни встретились в пути, один признак остается неизменным: всюду лес. Даже в густонаселенных местах, в районе сел Карлогоры и Пинеги, лес от реки отступил недалеко. На незаселенных берегах он или близко подошел к воде, или узенькая полоска сенокоса отделила его от реки. И так всюду — лес и лес! Три миллиона гектаров занимает лесная площадь Пинежского бассейна.

...На берегу — сосновый бор, напоенный запахом хвои. Под ногами хрустит беломошник. Можно забраться в старый ельник. Густые кроны елок покрыты серым бородатым лишайником. Лучи солнца не пробивают лесную чащу. Корни елей, покрытые мхом и ягодниками, стелются по земле. Иногда преграждают путь сваленные ветром деревья. Щупальцы вывороченных корней торчат вместе с пластами земли...

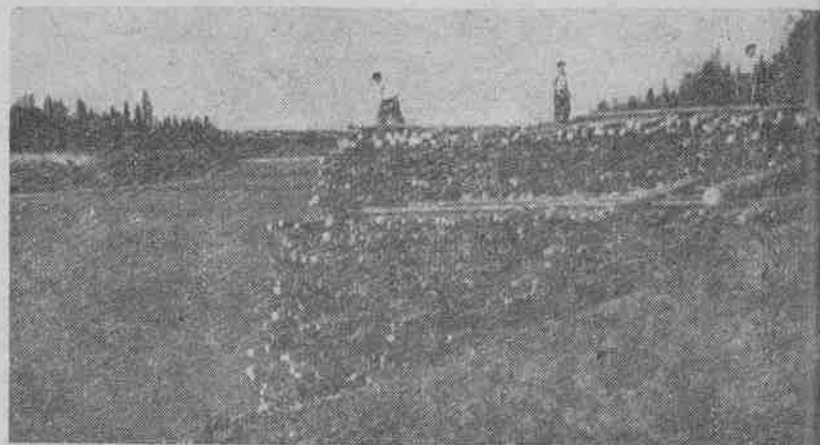
Чем дальше путь, тем чаще встречаются на воде сплавные сооружения, а на берегу — штабеля бревен, участки вырубок со щетиной толстых и тонких пней, лесные поселки с самого верха до устья реки, слышен рокот тракторных и шум автомобильных моторов. Все это говорит о том, что на реке идет промышленная жизнь.

Поездка по Пинеге дает яркое представление об огромных переменах в лесу за советские годы.

На пороге XX века В. И. Ленин писал: «Лесопромышленность означает самое примитивное состояние техники, эксплуата-

тирующей первобытными способами природные богатства. Лесопромышленность оставляет почти в полной неприкосновенности весь старый, патриархальный строй жизни, опутывающих заброшенных в лесной глуши рабочих худшими видами кабалы, пользуясь их темнотой, беззащитностью и раздробленностью»¹.

Эта характеристика полностью относилась к лесной Пинеги и оставалась в силе еще долго после того, как были написаны приведенные слова.

Бревна в штабелях ждут весеннего сплава.

Много сил и лет жизни оставил в лесу Петр Андреевич Мысов. Он вкусил всю тяжесть изнурительного труда, горечь произвола, гнет кабалы.

— Заедем, бывало, верст за полтора от дому, где никто не бывал, — рассказывает он. — Дорогу в лесу прорубаем сами даром. Приедем, разроем снег, разожжем большой костер. Когда земля оттаяет, навалим хворосту. Тут спим, пока избу не выстроим. За постройку ее тоже никто не платил. Пол и постель — хвойные лапы. Тепло и свет давала каменка. Тут же сушили

валенки, портянки, одежду. Смрад, духота, темень. Обед варили на улице. О завозе продуктов заботились сами. Домой выезжали раз в семь недель. Приедешь — одни глаза видно...

Лесорубу самому нужно было отыскать годное дерево, по звуку удара определить его качество, на глаз мер — длину и толщину. За гнилое дерево нам не платили. Чтобы сдать заготовленную древесину приказчику, нужно было очистить бревно от снега, а при обмере перекатать. И все это делалось бесплатно. За каждое бревно с лесоруба удерживали пятак. Это на случай, если казна оштрафует лесопромышленника. Нашими пятаками он и расплачивался...

Из разговоров с пинежанами, а также из наблюдений за работой лесозаготовителей сейчас можно представить, как шел путь от топора к моторной пиле, от конных саней — к трактору, от ледянки — к автомобильной и железной дороге, от крестьянина-сезонника в лесу — к постоянным кадровым рабочим.

На Осяткине встретился с Дмитрием Дмитриевичем Заборским. Его имя вошло в историю пинежских лесозаготовок. В 1920 году он начал работу в лесу с топором. Это орудие оставалось таким же, как и во времена предков. Может быть, в первые годы послевоенной разрухи и похуже. Но это было советское время, труд не на лесопромышленника Володина. И отношение к труду было иным. В первый год первой пятилетки, в 1929 году, Заборский дал слово вырубить за сезон восемьсот кубометров древесины, в шесть раз перекрыть сезонную норму. Вырубил восемьсот двадцать пять!

В 1935 году на смену топоры пришла в лес пила-лучковка. Недоверчиво встретили крестьяне-лесорубы узкое, с фигурным зубом полотно новой пилы:

— Столярю, а не лесорубу этот инструмент!..

Заборский стал первым лучкистом на Пинеге. Он показал, какие чудеса может давать новинка в сильных и умелых руках. К нему, в делянку на Ябу, из разных лесных районов страны приезжало более двухсот человек поучиться, посмотреть, как работает Д. Д. Заборский лучковой пилой, ежедневно заготавливая по двенадцать-двадцать кубометров древесины. Знатного лесоруба пригласили в Кремль, наградили орденом.

В конце тридцатых годов на Пинеге родилось движение тысячников. Кроме Заборского, широко стал известен Павел Вешняков из Леунова. В зиму 1938/39 года он заготовил больше тысячи кубометров древесины. В ряду знатных тысячников стало имя Ивана Косенкова.

¹ Ленин В. И. Соч. Т. III, стр. 464.

Лучковка ушла в историю. Современная лесная молодежь может быть, и не слышала о лесорубах-тысячниках. На государственной пенсии живет в Осятинне Д. Д. Заборский. Смерть героя погиб на фронте Великой Отечественной войны П. М. Вешняков. Сменил лучковку на механическую пилу И. И. Косенков. За новые трудовые подвиги на лесном фронте его наградили орденом Ленина. Имена и дела лучкистов-тысячников, их трудовые подвиги в годы первой советской пятилетки вошли в славную страницу в истории борьбы пинежан за лес, за социализм.

Валка дерева механической пилой.

Лучковая пила вытеснила топор, облегчила труд лесоруба, повысила его производительность, но сохранила в валке деревьев ручной труд. После попыток внедрить тяжелые и неуклюжие механические пилы различных иностранных марок перешли к сравнительно легким электропилам отечественного производства. Над усовершенствованием их успешно работал механик Н. Ф. Харламов и директор Архангельского лесотехнического института К. И. Веренихин. Харламову, первому из пинежан, присвоили звание лауреата Государственной премии.

Права гражданства пилы завоевала советская бензомоторная пила «Дружба». Для ее применения не требуется передвижная электростанция. Полтора килограмма бензина в баке хватает на спиливание сотни деревьев.

О том, как бензомоторная пила облегчила труд вальщика в сравнении с тяжелым трудом лесоруба, хорошо сказал своему сыну, работавшему «Дружкой», старый пинежский лесоруб Иван Родионов:

— Разве это у вас работа?! Игра!..

Пусть в этой оценке современных условий труда есть преувеличение. От вальщика с пилой «Дружба» требуются и усилия, и умение. Но в сравнении со взмахами топором по стволу дерева в течение длинного дня — это «игра».

Несколько лет назад на механическую валку леса первым полностью перешел Лавельский леспромхоз. В настоящее время валка леса на Пинеге полностью механизирована. Топор остался только на обрубке сучьев.

Механизация валки требовала усилить и вывозку древесины. На этой работе издавна единственной силой оставалась лошадь. Еще в тридцатом году в Пинежском леспромхозе было тысяча девятьсот лошадей. На районной партийной конференции секретарь райкома Александр Абрамовский утверждал, что «самое узкое и опасное место в подготовке к лесозаготовкам — сани и сено»... Еще и тогда успех лесозаготовок решала лошадь, вывозка на конных санях.

И вот я еду на автомашине по лесовозной дороге, в тридцати километрах от Пинеги, в глубь кулойских лесов. На обочине дороги плакат: «На лошади проезд воспрещен!» Лошадка, как говорится, получила отставку! Да и действительно, велика ли сила лошади на вывозке леса за тридцать километров? В полный рабочий день она справится с одним возом в два кубометра по хорошей зимней дороге. Шофер Егор Мысов делает в среднем по два-три рейса в день, вывозит на автолесовозе по тридцать кубометров древесины. Автомобильная дорога действует весь год.

Первые лесовозные тракторы — восемь иностранных «Клетарков» и два советских «Коммунара» — пришли на Пинегу из Архангельска зимой 1927 года. О их продвижении своим ходом писалось больше, чем в наше время о героическом походе на тракторах из поселка Мирный к Южному полюсу. В уездном городе, чтобы продемонстрировать мощь тракторов, к ним прицепляли по два-три воза наваги и возили по улицам. Толпа провожала диковинку. При виде железного грохочущего чудовища кони шарахались в сторону. Многие люди скептически оценивали новый вид транспорта, защищали честь пинежской лошадки.

Первая тракторная лесовозная база открылась на Кокорной. Вывозили лес на речку Ежугу. Через год начала действовать Крылогорская тракторная база. Это был первый пункт механизированной вывозки леса на берег Пинеги, на склады Чертково и Лужки. В 1936 году на Пинегу, в Трихино, пришли первые три

мощных советских гусеничных трактора. Крещение им в пинежских лесах давал начальник лесопункта Василий Михайлович Шапкин. Вывозили древесину на Чуплегу, около Деунова. Ныне места первых складок древесины тракторной вывозки уже заросли лесом. Последние два тракторных лесовозных пункта — Приреченский и Шеймогорский — доживают последние дни. Тракторы в леспромхозах остались на трелевке-подвозке деревьев от пня к лесовозным путям.

Основной силой на вывозке древесины из делянок на берег реки стали автомашины и мотовозы. Первые три автолесовоза пришли на Пинегу в 1942 году. Ныне только в одном Пинежском леспромхозе пятьдесят таких машин. Двадцать лет назад девять десятых заготавливаемой древесины вывозили на лошадях. Теперь на долю конной вывозки в этом леспромхозе не остается и десяти процентов. В прошлом году в Выйском леспромхозе закрылся последний лесопункт, где была конная вывозка. Автолесовозы заменили лошадей.

В 1950 году вступила в строй Ново-Лавельская железная дорога. Потом проложили узкоколейку в лес от поселка Шуйга Сурского леспромхоза. Теперь имеется и третья лесовозная железная дорога — из Сосновки.

В поселке Ново-Лавела — вокзал. На здании вывеска — «Станция Лавела». На путях маленькие цельнометаллические вагоны с надписью «не высовываться». Тут же — сцепы порожних и груженных лесом платформ. Около семи часов утра вагоны заполняют рабочие. Мотовоз везет людей в глубь леса, на работу.

Поезд идет мимо новых домиков, стены которых еще сохранили бледно-розоватый оттенок сосны. Миновали Лукашевку. Так названа часть Ново-Лавелы в честь бывшего главного инженера, строителя поселка. Потом пошел сосняк с подростом. Местами в него врезаются черные пятна пожарниц. Изредка промелькнет штабель невывезенных почерневших бревен. Когда-то их забраковали. А теперь они годятся только на дрова. Близко к узкоколейке в беспорядке лежат деревья, снятые с трассы при постройке дороги. Огромные навалы их напоминают противотанковые заграждения.

Пассажиры вагона знакомы друг другу. Каждый день они совершают один и тот же путь — на мастерский участок, в делянки. Быстро составила группа «козлистов», стучат костями домино. Пожилые женщины обсуждают ягодные дела. В руках Владимира Широнова — учебник. Он окончил вечернюю се-

милетку и собирается поступать в техникум. Рабочий Лебедевич читает «Лицом к лицу с Америкой». Девушка, которую спутники называют Соней, занялась рукоделом, вышивкой, но скоро задремала...

Как все это не похоже на «поездки» в лес старых пинежских лесорубов времен Мысова. По глубокому снегу, через лесные чащи, без оплаты труда за прокладывание пути, шли в лес на лесозаготовки пинежские крестьяне-лесорубы.

...То набирая, то замедляя скорость, поезд идет все дальше. Влево от моста через речку Рудуху — дорожная насыпь к холму. На нем — редкие захиревшие сосны. Наверно, их оставили при рубке на семенники, но этих надежд они не оправдали: похламленной вырубке прошел пожар, сосны подсохли. Не украшают унылого пейзажа яркие фиолетовые цветы иван-да-марьи.

Главная магистраль Лавельской дороги прошла пока на тридцать семь километров, на половину проектного расстояния. В сторону от нее идут ветки протяженностью по три-семь километров. От веток проложены «усы». Используются они один год. Ежегодно строится около ста километров усев.

Механизация лесозаготовок в корне изменила организацию труда в лесу, весь хозяйственный уклад.

В старое время и в первые годы после революции в лесу работали крестьяне-сезонники. Работа оплачивалась за бревно, вывезенное на катище. Рубка и вывозка входили в общую оплату. Крестьянин, имеющий лошадь, был главной фигурой на лесозаготовках. Безлошадник мог работать у него по найму. Это ставило деревенскую бедноту в зависимость от зажиточных и затрудняло привлечение на работу в лес безлошадников, хотя нужда в рабочих в первые советские годы была велика.

В 1928 году сессия Архангельского губисполкома постановила создать в леспромхозах свои конные обозы и отделить оплату труда за рубку деревьев от вывозки. В свете последних огромных преобразований в лесу эта мера может показаться очень мелкой. Но надо учитывать обстановку того времени. Бедняцкая часть деревни не могла пойти на работу в лес, так как не имела лошадей. Кулаки пытались саботировать лесозаготовки. Дело доходило и до открытых вражеских вылазок. В Лимозере кулаки набросились на Буторина, ехавшего в лес во главе обоза с красным знаменем, порвали на нем одежду, избили, пытались сломать сани у других крестьян. В 1921 году председатель Пинежского уездного исполкома А. Никулин призывал

«топором ударить по контрреволюции», подчеркивая значение лесозаготовок для укрепления хозяйства молодой Советской республики, — «все честное, на весь размах в атаку с топором на контрреволюцию!..»

Нет, в тех условиях конные обозы, организованные в леспромпхозах, и раздельная оплата труда за рубку и вывозку было важным политическим шагом.

Внедрение механизации лесозаготовок дало возможность перейти от зимней, сезонной, к круглогодочной работе в лесу. Для этого потребовалось создать постоянные кадры лесозаготовителей. Крестьянина-сезонника стали заменять лесные рабочие. Ряды их создавались за счет пинежских крестьян и населения других краев страны. На Пинеге появились новоселы — лесные рабочие.

Десять лет назад весной из Орловской области переселились на Пинегу сорок семь семейств. Летом жили в Сульце и Шиднеме. К осени заложили лесной поселок Кулосегу. Построили большое общежитие и несколько домов. Появилась столовая и ларек. В следующем году строительство продолжалось. Так силами орловцев возник новый лесной поселок Кулосега, который правильней было бы назвать Орловским!

Орловцы стали пинежанами: бригадир Иван Разуваев, профсоюзный работник Михаил Поляков, печник Федор Труфанов, рабочий Иван Толмачев — первые новоселы Кулосеги. Коренными пинежанами является и второе поколение: механик Толмачев, шофер Разуваев и др. Среди лесных рабочих на Пинеге есть и белорусы, и украинцы.

К сожалению, не все приезжающие на Пинегу пополняют ряды постоянных лесных рабочих. За один год из приехавших в Сосновку пятидесяти рабочих осталось только десять, сорок уехали.

Слов нет, в пинежских лесных поселках видна растущая работа об улучшении условий труда и быта. Семь лет назад в поселке Красном, на Илеше, я видел старую сенокосную избу, которая служила баней. Позднее для бани выстроили хорошее здание. В Осяткине пять лет тому назад клубом служил маленький щитовой домик. Над входом висел плакат «Добро пожаловать», а на дверях вечером — огромный замок, ключ от которого едва отыскивали. Да и трудно было представить клубную работу в маленькой комнате. Ныне в Осяткине — большое клубное здание. Украсить любое большое пинежское село может и школа, выстроенная в Сосновке. Столовые, медицинские пунк-

ты, детские сады, кино, радио, электричество — обо всем этом понятия не имели старые лесорубы, все это есть в современных лесных поселках.

Это так. Чего же не хватает? Прежде всего культурных квалифицированных работников, которые могут полнее удовлетворять запросы лесников, делать жизнь интересней, полнокровней вне рабочего времени. Почему в клубах лесных поселков не встречается руководителей, имеющих специальное образование и опыт культурно-массовой работы? Разве нет таких специальных училищ? Почему сюда не приезжают на гастроли артисты? Почему для медицинского обслуживания жителей крупного лесного поселка достаточно медсестры? Почему здесь учитель может не иметь педагогического образования?..

Эти вопросы мне ставил Василий Павлович Рудный, директор Сосновского леспромпхоза. Ответ же на них, думается, должны дать архангельские областные организации. В лесу нужны не только техника и механизаторы. Нужны кадры, способные организовать борьбу за культуру в самом широком смысле этого слова. Жизнь в лесном поселке не должна отличаться от жизни в городском рабочем поселке не только по перечню бытовых и культурных учреждений, но и по содержанию. Это будет содействовать закреплению на Пинеге кадров.

В лесу пройден путь от топора до моторной пилы, от конных саней до автомобиля, от крестьянина-сезонника до постоянного кадрового рабочего. Большой путь! Он проделан на далекой окраине страны, создавшей социалистическое хозяйство. Партия в своей Программе коммунистического строительства, принятой XXII съездом КПСС, наметила грандиозные задачи в области роста материального благосостояния советского народа. С каждым годом пинежские лесники будут ощущать всестороннее улучшение условий труда, бытового и культурного обслуживания. Ведь девиз коммунизма: «Все во имя человека, для блага человека!»

У ЛЕСНЫХ БОГАТЫРЕЙ

Внедрение новой советской техники, улучшение организации производства, трудовые подвиги лесных рабочих расширили фронт заготовок древесины на Пинеге, увеличили ее объем.

В 1901 году в Пинежском уезде было заготовлено 259 359 бревен (около ста сорока тысяч кубометров). В 1959 году в пяти леспромхозах, расположенных по Пинеге, вывезли один миллион триста тысяч кубометров древесины, почти в десять раз больше, чем шестьдесят лет назад.

Выработка в среднем на одного человека за последние шесть лет в пинежских леспромхозах увеличилась вдвое. В Сурском (ныне Сосновском), например, она возросла с 185 до 391 кубометра. В Карпогорском леспромхозе в 1960 году комплексная выработка на одного рабочего превысила пятьсот кубометров.

...Будучи на лесной Пинеге, как же не познакомиться с механизацией лесозаготовок в действии! Вечером я приехал из села Пинеги в поселок Мехбаза. Автомашины давно привезли рабочих из леса. На улице молодежь играла в волейбол. Кто-то прошел с удочками на озеро, напутствуемый традиционным — «ни пуха, ни пера». На ступеньках домов группами сидели рабочие. Время было уже не раннее, но люди не спешили после рабочего дня ко сну. Один такой вечер в лесном поселке показателен, как ныне отличается труд в лесу от изнурительной работы лесорубов в старое время. Тогда, возвратившись с работы в лесную избу, каждый думал об одном: поест и скорей лечь на полу или на нарах.

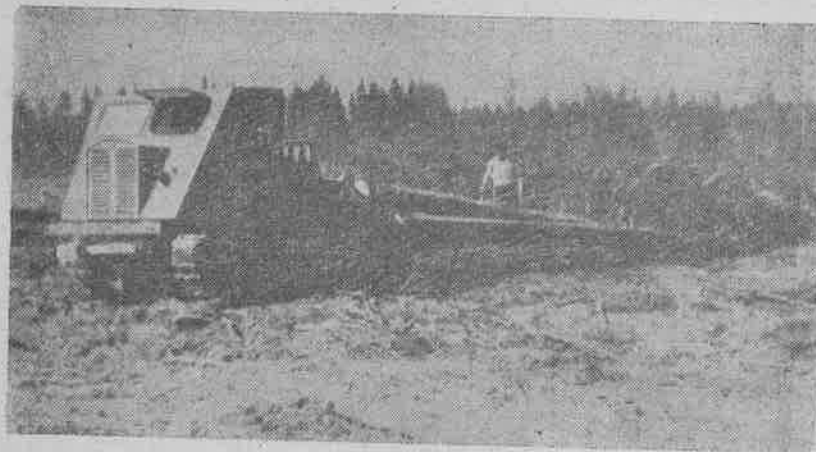
На следующий день, утром, автомашина повезла рабочих в делянку. Поехал и я. Попал на место работы вальщика Геннадия Калитина. С ним мы познакомились еще вечером, в поселке. В пинежский лес он приехал семь лет назад из Донбасса. Там работал забойщиком. Нет, он не охаивает работу в шахтах. Но вот решил поработать не под землей, а на лесной земле. И не раскаивается:

— Хорошо! А дальше ведь будет еще лучше. Как и везде у нас...

Калитин стал пинежанином. Да и как им не стать, если работа по душе, освоена профессия, чувствуется забота о рабочем человеке, да и белые ночи полюбились, ужение хариусов, красота северной лесной природы.

Вильмса Георгарда, или, как его здесь зовут, Жору, потянуло с лесопункта в родные степные места. Уехал. Скоро вернулся да еще угостил приехать с собой брата. Имя вернувшегося в лес Вильмса скоро появилось на Доске почета: он ударник коммунистического труда. Уехал из Сосновки на родину тракторист Михаил Нестеров. И вернулся тоже не один: привез трех товарищей.

...Когда мы приехали в делянку, солнце еще невысоко поднялось над соснами. На черничнике блестели крупные капли росы. Но не было той лирической картины раннего утра, в тишине которого чудесно пение птиц, слышится стук дятла и шорох пробежавшего зверька.

Трелевка срубленных деревьев.

Гулко раздается рокот мотора. Это тракторист отъехал от штабеля бревен. Лязг гусениц заполнил лес. До пения ли здесь пташке в этот момент! До птичек ли и людям, которые пришли в лес на работу, на заготовку древесины. Каждый ее кубометр поступает на государственные и общественные нужды, чтобы люди с каждым годом жили лучше. Пташка пусть найдет себе место провести раннее утро спокойно, подальше от границ делянки. Надо только позаботиться о том, чтобы такое место осталось на Пинежской земле и красота природы сохранялась и последующим поколениям.

...В ожидании прихода автомашины к штабелю Калитин подошел с пилой к стройной сосне. Толстый и высокий ствол дерева, темноватый у комля и желто-оранжевый у вершины, чист от сучьев до самой макушки, увенчанной шапкой ветвей. Рабочий присмотрел место, куда лучше свалить дерево. Пила врезалась в ствол у его основания и быстро погружалась в древесину. Калитин стоял, широко расставив ноги, держал пилу, согнув руки в локтях. Из паза вылетали розоватые со смолистым

запахом опилки. Едва ли прошли две минуты, как сосновый великан сначала медленно стал наклоняться, потом хрустнул недопил и дерево стремительно свалилось на землю. Высоко в воздух полетели брызги сучьев и пыль серого подзолстого песка.

К эстакаде подошла автомашина. Ее вел шофер Егор Мысов. Управляя лебедкой, укрепленной на тракторе, тракторист Шилик зацепил пачку деревьев и потащил с эстакады на прицеп машины. Большая тяжесть «ноши» временами ставила трактор почти на дыбы. Прошло пятнадцать минут, и пачка деревьев — пятнадцать кубометров древесины — была погружена! Этого времени хватило и на выравнивание концов комлей на возу, которое тоже выполнял трактор, а не аншпуг (кол) в человеческих руках.

Деревья, закрепленные стойками и цепями, Мысов повез на берег Пинеги. По дороге он нередко открывал дверку кабины и, став левой ногой на подножку и высунув голову, но не выпуская из рук управления машиной, оглядывался назад. Шофер ведь всегда должен знать, как ведет себя воз на дорожных ухабах:

— Машина... Надо довести без аварии. Что будешь делать в пути, если рассыплется?!

Мысов вел машину спокойно, без рывков. Успевал закурить, не замедляя хода. Тщательно затапывал папиросный окуроч на железе кабины.

— Вон ведь сушь какая... С окурком сейчас, брат, не шути! В этой незначительной реплике сказался хозяин в своем лесу. Хозяин чувствовался и в производственных делах. На своей машине Мысов удлинил межремонтные сроки, и шины на колесах его автомашины служат дольше, чем у многих других водителей.

Так вот какая богатырская сила в лесу: в две минуты свалено толстое дерево, в десять-пятнадцать минут трое рабочих погрузили полтора десятка кубометров леса. Эту силу придала людям современная техника, коммунистическое отношение к труду, инициатива, смекалка.

Да, и смекалка. Василий Сметанин, например, предложил на Пиринемском лесопункте укладывать срубленные деревья у тракторной дороги не в штабеля с горизонтальными прокладками, как обычно делали, а в пучки с вертикальными стойками. Это ускорило погрузку, а зимой облегчило борьбу со снегом.

Забота о том, чтобы лучше спорилась работа в лесу, чтобы коллективной была богатырская сила, проявляется в стремлении передовых людей подтянуть отстающих и выравнять фронт наступления на лес по уровню передовиков.

В Ново-Лавеле я познакомился с Николаем Ивановичем Родионовым. Работая бригадиром на нижнем складе, он перешел в отстающую бригаду и вывел ее в передовые. Взял в свою бригаду недисциплинированного, выпивающего рабочего, от которого откращивались другие бригады. О нем Николай Иванович говорит:

— Дал слово не пить. Держится! Нормы хорошо выполняет.

Родионов происходит из пинежских потомственных крестьян-лесорубов. Окончил школу фабрично-заводского обучения. Служил в армии. Хотя в школе он и получил специальность плотника, после демобилизации вернулся не на стройку в город, а в родные лесные края, на землю предков, на лесозаготовку. Скоро выдвинулся в бригады. Учился в вечерней школе. Честного, трудолюбивого и общественного земляка пинежане избрали депутатом областного Совета.

Встретился я с Николаем Родионовым в нерабочий день. Он вставлял косяки на постройке своего дома.

— Надо расширять жилье: у меня растут Таня, Алеша и Маша...

Через год я получил от него письмо. Он писал, что семья еще увеличилась: родилась Люба. «Люди ведь тоже пужны», — писал Родионов.

В свою последнюю поездку по Пинеге я снова повидался с Николаем Ивановичем. Жил он в новом доме. Две больших комнаты и кухня. На столе лежала свежая почта — газеты «Советская Россия», «Правда Севера», журнал «Огонек», пакет со штампом исполкома областного Совета.

— Что нового у меня за два года? — повторил мой вопрос Родионов и на минуту задумался. — Пожалуй, много! Начну не с самого главного, но тоже важного в жизни. Перемена на работе: ездил на курсы и теперь работаю не бригадиром, а мастером. Были новые выборы в областной Совет. Вновь избран депутатом. Честь и доверие большое, понимаю. Самое же знаменательное событие в моей жизни — меня приняли в члены Коммунистической партии. И это еще не все. Был делегатом партийной конференции, где обсуждался проект новой Программы партии. Да... большие дела! Нынешнее поколение

советских людей будет жить при коммунизме! С волнением голосовал за программу коммунистического строительства. Думаю, что сейчас у всех нас одно стремление — успешно бороться за претворение Программы партии в жизнь.

Да, это самое главное. Для пинежских лесников вклад в строительство коммунизма выражается количеством заготовленной для народного хозяйства древесины: заготовить больше не только по количеству, но и дешевой по себестоимости. Для этого необходимо построить новые лесовозные дороги. В Сосновском леспромхозе, например, за семилетие надо проложить в лес сто пятьдесят километров лесовозных путей, пока проложено шестьдесят. Но дело не только в удлинении дорог. Крайне необходимо улучшить содержание существующих путей и более производительнее использовать имеющуюся технику.

В Пинежском леспромхозе в 1961 году вывезено в среднем на каждом имеющемся автолесовозе 3657 кубометров, или выполнено 72 процента плановой нормы. Это значит, что из полусотни автолесовозов четырнадцать простояли весь год. Круглый год не работала примерно каждая четвертая автомашинка... Почему это происходит? Низка техническая культура использования техники и недостаточно внимание к содержанию лесовозных путей.

Вот как об этом говорил слесарь Ткаченко на собрании механизаторов, которое проходило в поселке на Сотке:

— Скажу прямо: мы еще не изжили варварского отношения к машинам. В каких условиях проводим уход и ремонт? Даже не существует бригады по профилактическому осмотру и ремонту. А разве не бывает у нас так: шофер уверяет, что машина неисправна, ехать нельзя. Никто не проверит его утверждения, а в ответ он услышит: — «Иди домой, другой поедет»... Ведь это же работа на износ! А дороги? На них навалены бревна, текущий ремонт не проводится, лежни узкие, и получается нагрузка на одно колесо, на один баллон. Ясно, что он не выдерживает. Вот почему у нас велики простои машин. Иногда через сорок тысяч километров пробега машина идет в утиль, а она должна через шестьдесят тысяч идти в капитальный ремонт и еще долго служить».

В выступлении слесаря Ткаченко — большое беспокойство не о какой-либо личной выгоде, а о деле, об интересах государства. И примеры такой озабоченности приходилось встречать в лесу от людей самых различных профессий и служебного положения.

Шагая по уссу Лавельской узкоколейки, я встретил девушек, которые ремонтировали путь. От дороги к лесу — черничник, крупные ягоды заманчивы. (Считать ли проступком, если бы работницы нашли время полакомиться черникой, делая перерывы, соответствующие мужским перекурам?) Была вторая половина дня, но солнце еще палило. Увидев розовые губы и белые зубы девушек без следов черники, удивился: как они удержались от соблазна поест ягод в такой жаркий день...

— Да что вы?! Мы и не попробовали. До черники ли нам сейчас. Скоро пойдет мотовоз. Вот как бы только его не задержали!

На этом участке дороги девушки кончали работу и собирались переходить на другой. Бригадир Евдокия Рыжикова по-хозяйски осмотрелась кругом и, обращаясь к подругам, строго сказала:

— Все старые костыли подберите. Не оставляйте ни одного. Пригодятся!

В этой стойкости от соблазна утолить жажду в жаркий день у ягодных кустов, в этой заботе о сохранности каждого копеечного костыля видна характерная черта рядового советского труженика — его сознательное отношение к выполнению своего долга!

На лесопунктах назовут немало имен передовых вальщиков и шоферов, расскажут о подлинно коммунистическом отношении людей к порученному им делу. На всю Пинегу известен Эдуард Вознесенский. Будучи бригадиром малой комплексной бригады, он почти втрое перевыполнял нормы. Сейчас Вознесенский — мастер леса, его задача и дело чести — сделать участок коммунистическим.

Важно растить ряды лесных богатырей. Непременное условие для этого — не успокаиваться высокой выработкой отдельных вальщиков и шоферов автолесовозов, нужно суметь видеть огромные неиспользованные резервы. Тогда не уйдут из поля зрения и лучше будут решаться вопросы организации труда в лесу, где подчас на одного «с сошкой» приходится «семеро с ложкой».

Подъему культуры в использовании техники в лесу, повышению производительности труда и снижению себестоимости древесины будет содействовать постановление ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС о перестройке партийного руководства народным хозяйством.

ЗЕЛЕНУЮ УЛИЦУ — ЗЕЛЕНОМУ ЗОЛОТУ!

Пинежское дерево от пня из делянки до Архангельска делает большой путь. Вначале трелевочный трактор подвозит его к лесовозному пути. Автомашина или мотовоз доставляет на берег Пинеги или ее притока. На берегу (это место называют нижним складом) дерево раскраивают на кряжи, каждый из которых должен по толщине и длине отвечать определенным требованиям и иметь свое назначение в народном хозяйстве. Раскряжевку надо сделать так, чтобы из дерева получилось больше ценных кусков. Кто же похвалит, например, портного, если из отреза хорошей ткани вместо костюма он накроит рукавиц! Бригада коммунистического труда Пискуновского в Кулосеге выкраивает девяносто процентов ценных сортов древесины.

Весной бревна и кряжи скатывают в реку, и они врассыпную, по течению, плывут до устья Пинеги. Это — молевой сплав леса. Когда уходят с верховьев Пинеги последние молевые бревна, вслед за ними идет «караванка» — бригада сплавщиков. Несколькими годами назад, когда берега с реки не были ограждены защитными сооружениями — «бонами», а сплавщики имели только багры, в «караванке» шло двести—триста рабочих. Теперь берега ограждены бонами, и бревен в пути застревает меньше. «Караванка» оснащена трактором, с помощью которого обсохшие на берегу бревна стаскиваются на воду, а также катером, чтобы стаскивать бревна с мели. Число сплавщиков сократилось почти в десять раз.

Мне дважды приходилось плыть вслед за «караванкой». Сплавщики выполняли большую работу по очистке берегов и мелей от древесины. Однако и после этого ниже Лавелы на реке оставался остров обсохших бревен. Они торчали на реке в хаотическом беспорядке. Нижние концы их уже засыпал песок, верхние торчали, как жерла зенитных пушек.

Потери древесины на молевом сплаве очевидны. На пуги часто встречаются топляки. Один конец бревна виден на поверхности воды, второй намок, опустился на дно и держит бревно, как на якоре. Под действием течения верхний конец то погружается в воду, то показывается из нее. Топляки выстилают дно реки. Засорение Пинеги древесиной на молевом сплаве неизбежно. И это наносит большой ущерб народному хозяйству: тесается древесина, ухудшаются условия рыбоводства.

Молевой сплав кончается в устье Пинеги. Здесь сооружена запань.

В старое время и в первые советские пятилетки лес по Пинеге сплавляли в плотах. В 1910 году по Пинеге прошло 485 плотов, примерно триста тысяч кубометров. Ныне заготавливают миллион триста тысяч! За период весеннего половодья сплавить такое количество древесины в плотах невозможно.

Запанные сооружения устанавливают вскоре после окончания ледохода. Водный путь для судов с Северной Двины на Пинегу закрывается, и река выше запани начинает покрываться лесом. В середине лета древесина заполняет реку на протяжении десяти километров. В июньские дни 1960 года, когда дожди подняли уровень воды в реке и обсохшие по берегам бревна были смыты, быстрое течение спрессовало в запани восьмьсот тысяч кубометров древесины настолько плотно, что мы ходили по бревнам на реке, как по суше.

Если посмотреть на запань с берега, то река кажется разделенной деревянными низкими стенками на перегородки. Выделяются «главные ворота» — проток воды, огражденный по течению реки с двух сторон стенками. Сюда впускают бревна из «речного склада». На помостах стоят рабочие и, вооруженные опытным глазом и острым багром, рассовывают бревна из «главных ворот» по боковым, сортируют лес. В одни ворота идет пиловочник-длинномер, в другие — балансы, в третьи — дрова и т. д. Это делается для того, чтобы к сплоточным станкам, стоящим в конце каждой ворот, подплыла односторонняя древесина.

Когда к станку подплывает такое количество бревен, которое достаточно для составления пучка, включают электромотор. Станок сжимает бревна, находящиеся на воде, одни из них покрывают другие и вместо рядка бревен получается цилиндрический пучок. Связанные проволокой пучки выпускают из ворот, а там из пучков составляют плоты.

В раннее августовское утро за пультом управления сплоточным станком сидела Наталья Матвеевна Дресвянкина. На будке висел щит с надписью: «Норма за нашу смену — 2006, выполнили — 2048». Дресвянкина, как правило, перевыполняет норму. На запани она работает более двадцати лет, награждена медалью «За доблестный труд».

В старое время сплотка была ручной: руками мяти прутья, чтобы из них делать кольца для соединения бревен попарно, топором тесали клинья, вручную скрепляли бревна в плитки.

Топор и багор — вот и вся «механизация». Правда, багор и сегодня остается на вооружении сплавщиков. Но сила на сплоте не в руках с багром. Электромоторист нажимом рычага формирует пучок леса в пятнадцать—тридцать кубометров за минуты!

На молевом сплаве бревна плывут по течению. Человек не безучастен к ним. На Пинеге построено двести пятьдесят километров бонов, ограждающих древесину от обсыхания по берегам. Весной на опасных местах дежурят пикеты, чтобы предупредить образование пробки на реке. Защищают сплав «караванщики». И все-таки решающей силой на молевом сплаве остается река, стихия. Ход сплава, а иногда и его исход зависят от условий вскрытия реки, темпов и уровня подъема воды весной, продолжительности весеннего паводка, количества осадков после спада половодья. Почему обсохло на песках Паленьги в 1960 году несколько сотен тысяч кубометров леса? Почему в 1954 году молевой сплав на Пинеге прошел в сорок девять дней, а через четыре года продолжался сто девятнадцать дней? Хозяином на молевом сплаве является река! Ход сплава во многом зависит от руководителей и мастеров сплава, от их опыта, смекалки, инициативы. В одних и тех же природных условиях можно сплавить лес по-разному. Но все-таки судьбу древесины на молевом сплаве решает водная стихия. Вот почему вопрос реконструкции реки и сплава встает сейчас очень остро.

...Ниже устья реки Илеша, у порога Хмелева, мы приметили на берегу палатку. Как же можно проплыть мимо людей, обосновавшихся в палатке на лесном берегу!

Поднявшись на берег, увидели в глубине наволока еще несколько палаток, геодезические инструменты на треногах, прикрытые большими зонтами, радиомачту и тут же, на лужайке, стол, сервированный по-походному. Это был бивуак изыскательской партии Ленинградского гидролестранса. Инженер Николай Савельевич Павлов вел топографическую съемку. На Пинеге в последние годы проводилась большая изыскательская работа по реконструкции водного пути. В ней принимали участие топографы, гидрологи, геологи, экономисты, сплавщики.

Задача реконструкции в том, чтобы «взять» Пинегу в руки и управлять сплавом. Может быть, именно Хмелевский порог будет местом строительства плотины, которая создаст в верховье реки запас воды на все лето и позволит регулировать уровень ее в Пинеге. Проектируется строительство и второй плотины, около Карпогор.

Идея реконструкции водного пути на Пинеге получила одобрение Северо-Западного совнархоза, но реализация проекта отложена. Значит, сегодня в народном хозяйстве есть более острые нужды. Но очередь до Пинеги, несомненно, дойдет. Водный путь на ней должен быть коренным образом улучшен. При увеличении лесозаготовок нельзя полагаться только на природу, на силу стихии. Коммунизм «поднимает на огромную высоту господство людей над природой, дает возможность все больше и полнее управлять ее стихийными силами» — говорит Программа партии.

Попытка лучше использовать водный путь на заготовке леса была предпринята в двадцатых годах — был построен канал Пинега—Кулой.

Десятки лет в старое время пинежские крестьяне таскали лес бечевой против течения по Кулою. Неделями не снимали с плеч лямки. Чтобы лямка меньше резала плечо, на нее нашивали широкую полосу березовой коры. Из Кулоя бревна тащили в Сотку, из нее — по озерцам, по затопленным весенней водой перешейкам. Норма на человека — восемь бревен, да два бревна прибавляли на водку, итого — десять! А зарабатывали в день по семьдесят копеек.

Трудно предположить, чтобы в старое время никому не приходило в голову перекопать шестикиллометровую перемычку на водоразделе между реками, воспользовавшись к тому же озерками. Но кто тогда мог осуществить эту идею? Царское правительство? Нет, ни у одного из чинуш не болела душа за лучшее использование лесных богатств Севера, за облегчение труда на лесозаготовках. По мнению царского вельможи Победоносцева, «на Севере живут только пьяницы, сутяги и недоимщики». Вологодский губернатор, в управление которого входили верхнепинежские волости, в докладе так характеризовал «вверенных» ему крестьян: «Крестьяне губернии преданы более праздному разврату, нежели трудоспособности». Стоит ли о таких проявлять заботу! Пинежские лесные тузы, Володин и Кыркалов, в канале не нуждались. Труд мужиков, впряженных в лямку, не обременял расходами купеческий карман. Некоторые представители науки предлагали для большего использования лесов Севера подешевле продавать лес на кормно промышленникам. Профессора Сурож и Озеров на совещании в Архангельске доказывали, что «необходимо понижение таксовых цен на лес». Это значит, казна должна была продавать лес подешевле, чтобы капиталисты еще больше наживались!

«Профессор Озеров видит казенные леса и слюнки текут», — писал в 1909 году в большевистской газете М. С. Ольминский¹.

Инициатором сооружения Кулойского канала в советское время был старый северный лесник, член Архангельского губисполкома Павел Романович Росляков. О строительстве канала принял решение XI губернский съезд Советов. Высший Совет народного хозяйства дал средства с условием, чтобы они вернулись государству в виде дохода от заготовки леса по Кулою.

Осенью 1926 года на водораздел пришли подрывники, землекопы с лопатами и кирками. Было пригнано полсотни лошадей, впряженных в телеги для отвозки земли. Весной, когда русло будущего канала затопило водой, применили землечерпательные машины. Плотники построили два шлюза. Руководил постройкой канала инженер М. И. Маркелов. Через два года канал был сдан в эксплуатацию. Двадцать лет ведал им И. И. Мысов.

В первый же год действия канала старейший пинежский лесник Петр Андреевич Мысов для сплава леса по нему применил лошадь. Бурлацкой лямке с берестяной нашивкой пришел конец! В первую навигацию через канал прошло восемьдесят тысяч кубометров древесины, а в 1937 году — не одна сотня тысяч.

Мы знали, что канал выходит на Пинегу около Кулогор. И пока ехали, не отрывали глаз от берега, ожидая увидеть широкое устье. Нас постигло разочарование. Вышли на берег и обмелевший канал перебрали в сапогах, не почерпнув воды. Но канал не потерял своего значения и теперь. Весной по нему поддерживается связь с Мезенским бассейном. В будущем, когда придется осваивать удаленные кулойские массивы, возможно будет более целесообразным вывозить заготовленную древесину машинами не на берег Пинеги, а на берег Кулоя, и по каналу сплавлять на Пинегу.

Разумеется, ни масштабы необходимых на Пинеге гидротехнических работ, ни техническое оснащение их, ни значение проектируемой реконструкции пинежского водного пути не идут в сравнение с Кулойским каналом. То было время до первой советской пятилетки, а ныне — период развернутого коммунистического строительства.

¹ Ольминский М. С. Из эпохи «Звезды» и «Правды». М., 1956.

Увеличение лесозаготовок в Пинежском крае важно для лесного хозяйства Архангельской области и народного хозяйства страны. По данным Н. Моисеева и С. Лебедева¹, в настоящее время в Пинежско-Лешуконском районе ежегодно заготавливается только три десятых процента имеющихся там запасов спелых насаждений. Значит, при нынешних темпах заготовок запаса спелого леса в этом районе хватит более чем на триста лет. В этот срок вырастут два новых поколения спелого леса.

В Железнодорожном районе отпускается леса на корню в семь раз больше, чем в Пинежско-Лешуконском, хотя запасы его здесь почти вдвое меньше. При таких темпах заготовок в Железнодорожном районе спелого леса не будет через тридцать лет, а новое спелое дерево вырастет через столетие и поздней.

В лесной экономике существует термин — расчетная лесосека. Это такой размер ежегодной вырубki, при которой не допускается истощение лесов, обеспечивается непрерывное и не уменьшающееся со временем лесопользование. В Железнодорожном районе ежегодно отпускается леса вдвое больше расчетной лесосеки, а в Пинежско-Лешуконском только четвертая ее часть. В Пинежском районе (без Лешуконского) запас спелых насаждений исчисляется в триста восемьдесят миллионов кубометров.

Пинега может давать древесины без ущерба лесному хозяйству без опасности истощения лесов примерно в четыре раза больше, чем дает теперь, если будет на нее спрос и если можно будет ее вывезти.

Почему — спрос? Разве не нуждается страна в древесине? Пока дело обстоит так, что предъявлялся спрос не на всякую пинежскую древесину. Заготовит леспромхоз дров больше запланированного количества — получит упрек. Другое дело, если больше плана заготовлено строительного леса, балансов, пропсов. Заготовят березовую или осиновую древесину и не знают, что с ней делать. При длительном молевом сплаве она идет на дно реки. Оставят лиственный и дровяной лес на корню — не миновать штрафа за несоблюдение условий сплошной рубки. Но это время уходит, и спрос на всякую пинежскую

¹ Моисев Н. А., Лебедев С. К. Очередные вопросы лесопользования. Архангельское книжное издательство, 1960.

древесину наступит скоро. Производство целлюлозы за семилетку в Архангельской области увеличится в пять раз. На варку ее пойдет и дровяная древесина, а до сих пор сырьем для целлюлозы на две трети служили еловые балансы.

Реконструкция водного пути облегчила бы и вывоз березы и осины (пока не организована переработка их на месте). Кряжи этих древесных пород смогут пойти накатом на плотках хвойных бревен и в баржах. Ведь тогда навигация в верховьях реки станет возможной в период не десяти весенних дней, а в течение всего лета.

Превращение Пинеги в хороший сплавной и судоходный путь не единственная мера по усилению вывозки древесины из Пинежья. Начато строительство железной дороги Архангельск—Лешуконское. Протяженность ее будет триста тридцать километров. Из Архангельска магистраль прокладывается по правому берегу Северной Двины. В Верхней Паленге (около пятнадцати километров от устья) она пересечет реку Пинегу. Оттуда прямым путем дорога пойдет в район Карпогор. Ниже этого села, около Марьиной Горы, намечается вновь переход через реку. Затем железнодорожный путь повернет на Лешуконское. Строительство дороги до первого пересечения ею Пинеги намечено закончить в 1965 году.

В истории Пинежского лесного края откроется новая славная страница. Возникнут новые лесозаготовительные предприятия, оснащенные современной техникой. К магистрали Архангельск—Карпогоры будут примыкать несколько лесовозных железных и автомобильных дорог. Вывозка только на эту магистраль превысит современный объем лесозаготовок на всей Пинеге. Возрастет вывозка древесины на реку в районе выше Карпогор.

Вот тогда лесников не будут волновать перестойные елки, не транспортабельные береза и осина. Можно будет перейти на нормальную лесосеку, возвращаясь на прежнее место рубок, где вырастет лес, готовый вновь служить человеку. Лесная Пинега станет жить по-новому.

Около Карпогор возникнет крупная лесоперевалочная база. Здесь построят электростанцию и локомобильное депо. В этом пункте значительная часть древесины, заготовленной выше Карпогор, прямо с воды будет перегружаться на железную дорогу. За счет работающих во вновь возникших лесных предприятиях, их семей, а также обслуживающего персонала железной дороги население района увеличится на тридцать тысяч

человек. Эта прибавка населения больше количества жителей в Пинежском уезде по переписи 1897 года.

Заглядывая вперед, можно предположить перестройку лесной промышленности на Пинеге. Отсюда ценное лесное сырье пойдет не только на вывоз, здесь целесообразно его перерабатывать с полным использованием «отходов». Это вполне будет соответствовать поставленной в Программе КПСС задаче «...все более рационального размещения промышленности, которое обеспечит экономию общественного труда, комплексное развитие районов и специализацию их хозяйств». Лесная Пинега станет краем развитой лесной промышленности.

...В тихий солнечный день, подплывая к деревне Воепале, мы издалека увидели, как в нескольких местах вверх поднялись клубы дыма. Немного погодя в дым прорвались языки огня, и вскоре ввысь взметнулось огромное красное пламя. Подплыв ближе, убедились, что здесь не было бедствия в обычном житейском понимании. Это жгли сучья и вершины деревьев, вывезенных из леса с кронами. С помощью трактора люди сволокли сучья в кучи, подпалили и наблюдали за огнем. Их беспокоило не пожарище, а сучья и вершины, которыми захламлен берег.

Ежегодно на Пинеге более сотни тысяч кубометров вершин и сучьев предаются огню. Эта древесина не только не приносит пользы народному хозяйству, наоборот, на уничтожение ее затрачиваются средства. А ведь из нее можно изготовлять строительные плиты (в Латвии и в Карелии делают их) и другую продукцию.

Конечно, вопрос о полном использовании древесины на месте должен быть решен капитальней. Разве нельзя, например, вырабатывать тарную осиноую клепку на Пинеге, а не тащить осиноое бревно в Архангельск или, еще хуже, не оставлять осину на гниение в лесу, так как она не выдерживает молевого сплава? Разве нельзя лиственные породы перерабатывать на месте путем сухой перегонки древесины?..

Полностью отказавшись от вредного, идущего от дедов и от лесных кит-китычей, тезиса «на наш век лесу хватит», можно и на Пинеге из каждой щепки, из каждого сучка извлечь пользу!

Великим национальным богатством назвал Н. С. Хрущев на XXII съезде партии наши леса. «Идя к коммунизму, — говорил он, — мы должны заботливо охранять природу, разумно, по-хозяйски пользоваться ее ресурсами, восстанавливать и умножать природные богатства наших лесов...»

С МЫСЛЮ О БУДУЩЕМ

Из пинежских лесов надо получать больше древесины и сегодня, и завтра — через сотни лет. Чтобы в будущем не оказаться у разбитого корыта, сегодня надо заботиться о лесном хозяйстве, уходе за лесом, восстановлении его.

...Мы — на участке Белом. Идем с мастером Ф. Л. Заварзиным по территории, где велась заготовка леса. На большой площади не осталось почти ни одного молодого деревца: ни елочки, ни сосенки. Местами содран моховой покров, оголивший в рытвинах серый подзолистый слой земли.

— Как поле вспахано, — говорит мастер.

В тоне его реплики трудно уловить чего больше: восторга ли по поводу «чистой работы» на сплошной рубке или печали в связи с тем, что здесь не сохранена жизнь молодому лесному подросту, нанесен ущерб восстановлению леса.

А ведь можно так организовать валку деревьев и таким образом спланировать пути для неприспособленной к живой природе лесной техники, чтобы вся площадь вырубки не была покрыта вывороченным на поверхность бесплодным грунтом, чтобы сохранялся подлесок — хранитель плодородия почвы и смена вырубленному лесу. Ввели же, например, передовые бригады в костромских лесах валку деревьев на подкладочное дерево и это сохраняет жизнеспособный хвойный подрост.

С участка сплошной рубки мы пришли к стану у ручейка Чукчи. Александра Черная, повар, она же буфетчица и заведующая походной столовой, готовила для рабочих обед. Поблизости — ручей. На берегу его — древние ели. В их тени, в прохладной воде ручья, стоит бидон с квасом. Лесной оазис для охлаждения кваса вполне достаточен. Но для того, чтобы зимой больше задержать снега, а весной замедлить его таяние и спасти ручей от быстрого высыхания летом, — для такой роли оазис был маловат. И так почти всюду: не берегут пинежане при лесоразработках ручьи, которые питают своими водами древнюю Пинегу, не оставляют вокруг них лесного заслона.

Лето шестидесятого года было очень сухим. Из лодки мы отчетливо видели полосы дыма, поднимавшиеся на лесном горизонте. Горел лес. Иногда дым так застилал небо, что солнце казалось медным диском. Возникновение некоторых пожаров совпадало с сильными, но кратковременными грозами. Лес загорался вдали от всякого жилья, в местах, где не было ни

лесозаготовок, ни сенокоса, ни рыбаков. Поджигала его молния. Но не во всех лесных пожарах она повинна. По лесной дорожке между деревнями Новинки и Зайцево мы видели свежее пожарище, объяснить которое можно только преступной халатностью. Неряха-пешеход или шофер бросил в сухой мох непотушенную спичку, не подумав о том, что одной спичкой можно уничтожить миллион деревьев, а из одного дерева можно сделать миллион спичек.

В прошлом лесной пожар эффективно тушил только дождь. Так было в Кузнецком лесничестве полсотни лет назад, когда выгорело двенадцать тысяч десятин леса. Огонь уничтожил все живое в лесу и бушевал до тех пор, пока не пошел сильный дождь. Да и сколько времени требовалось тогда пешему леснику, чтобы в глубине лесов отыскать место пожара!

Ныне патрульные самолеты быстро и точно определяют место пожара. Большая забота проявляется и о предупреждении загорания леса. Параллельно дороге Летополя—Веркола, в десяти метрах от ее обочины, снят моховой покров полосой около метра в ширину. Если разгильдяй бросит около дороги горящую спичку, огонь, дойдя до голой полосы, остановится, в лесной массив не попадет. Нигде в старое время не приходилось видеть на пинежских дорогах такой профилактической заботы об охране леса от огня и нигде так часто не возникали раньше пожары, как именно у дорог.

Забота о лесе немислима без возобновления лесонасаждений на местах сплошных рубок и на гарях. Конечно, в прошлом и намек не было на то, что делается сейчас в этом направлении. Раньше возобновление леса на пинежских гарях было целиком в ведении природы. Теперь проводятся работы по обсеменению площадей. Но нельзя оценивать состояние дела только по сравнению с тем временем, когда отсутствовала всякая работа. Правильней соизмерять сделанное и с нуждами настоящего, с требованием заботы о будущем.

В Краснорском лесопункте за один год выгорело восемьсот гектаров леса. Огонь был такой, что погиб молодняк. На делянках сплошных рубок сняли лес на пятистах гектарах. Итого освобождено от леса тысяча триста гектаров площади. Обсеменено на лесопункте за год сто гектаров. Счет: сто к тысяче триста в пользу вырубок и гарей...

На Пинеге пока мало последователей бригадира Г. В. Денисова из костромских лесов. Передовой лесозаготовитель работает под девизом — «срубил дерево — посади два». За ценную

патриотическую инициативу он награжден Большой золотой медалью Выставки достижений народного хозяйства в Москве.

Конечно, обсеменение голых площадей, примыкающих к живому лесу, происходит и естественным путем. Но дело в том, что при естественном возобновлении большую часть чистых площадей занимают не хвойные породы, наиболее ценные, а лиственные — береза и осина. Только позднее на смену им придет хвойный лес. Искусственное возобновление леса помогает обогнать природу на сотни лет. Особенно это относится к ельникам, которые и преобладают в пинежских лесах. Площади изпод елей не только покрываются березой и осинкой, но и заболачиваются.

Для валки деревьев есть механическая пила, для вывозки — трактор и автомашинка. А какая имеется почвообрабатывающая и посевная техника для лесовозобновления? Лопата! По вырубкам часто нельзя использовать трактор, по пням нужна более высокая ходовая часть. Лесники кустарничают, чтобы в какой-то мере механизировать труд. Они надеются, что промышленности придет им хорошую технику для лесовозобновления и ухода за насаждениями. Нет сомнения, что такие орудия на смену лопате придут.

Когда мысленно оглянешься на путь по лесной реке, переберешь в памяти виденное, встречи с людьми, разговоры о том новом, что пришло в лес, то обязательно сделаешь вывод: как бы еще ни проявлялось совершенно нетерпимое в наше время отношение к лесу, бесспорным остается признание, что теперь в лесах новый хозяин. Он сделал очень много и сделает все, что требуется в интересах народного хозяйства для лучшего использования древесины, для охраны природы.

Вспоминается одна встреча на пинежской Ежуге в далекие годы. Ранней весной восемнадцатого года я пробирался с Пинеги лесной дорогой на Мезень. На телеге лежали геодезические инструменты, а мы с ямщиком шагали за колесницей, которую еле тащила тощая от весенней бескормицы лошадейка. Дорога на первых километрах шла по берегу Ежуги. Весенние воды несли подмытые с берегов деревья с вывороченными корнями. На заворотах серыми хлопьями кружилась толстая пена. Снег на дороге давно растаял, но там, где путь не был выстлан жердями, лужи и грязь приходилось обходить стороной, лесом. В хвойных густых зарослях кое-где еще сохранялся снег, а на березках у дороги, обласканные весенним солнцем, почки уже распускались. Лесную тишину нарушало хлопотанье лошадиных

копыт по грязи, скрип телеги да кукушкино размеренное «ку-ку, ку-ку».

Неожиданно с просеки навстречу нам вышел человек в куртке с зелеными петлицами, в фуражке с околышем и значком служащих лесного ведомства. Встретить человека на безлюдной дороге было приятно. Сели на ствол вывороченной ветром ели. Каждый для знакомства сказал куда и зачем направляется. Лесовод шел на отвод делянок. Недалеко, на берегу речки, у него была назначена встреча с рабочими.

Речь зашла о лесах. И когда собеседник стал говорить о лесных делах, горячность делала его по-юношески задорным. Борода лесовода совершенно не гармонировала ни с его манерой говорить, ни с молодым лицом, на котором не успели пройти от глаз паутинки морщин, ни с юношеским блеском глаз.

— Да разве мы до сих пор хозяйничали в лесу!? — говорил мой собеседник. — Разве ценили это богатство? Хозяйничали здесь лесные приказчики, огонь, ветровал, короеды... Не столько брали из леса, сколько оставляли и губили там добра. А вы думаете хозяева-лесопромышленники были расчетливей царских департаментских чиновников? Вот вам один пример: ежегодно из Архангельска и Онеги вывозили за границу полсотни тысяч кубических сажен балансового леса. Да какого! Лучшее в мире нет! А бумагу ввозили из-за границы. Кубическая сажень балансового леса стоит двадцать шесть рублей, а за бумагу, сделанную из этого кубика, платили четыреста рублей. Вот они «хозяева»!..

Лесовод говорил о неустроенности пинежских лесов, губительной системе лесозаготовок, бюрократизме лесного ведомства, взяточничестве чиновников. Заключение обличение уверенностью:

— Но после революции пришел в лес новый, настоящий хозяин. Конечно не сразу сломается старая управленческая машина, еще, пожалуй, трудней сломать вреднейшее убеждение, что «на наш век лесу хватит». Но дело в лесу наверняка пойдет к лучшему. Это уж наверняка!

Горячие высказывания пинежского лесника было интересно слушать, но пока мы сидели, лошадь уплелась далеко и с собеседником надо было расставаться.

— Будем знакомы, — улыбаясь протянул он руку, — Горохов, Василий Александрович. Заезжайте когда-либо весной на Труфанову. На косачей сходим. Вот где красота!.. И, подтянув спущившиеся голенища охотничьих сапог, зашагал к реке.

Нам не пришлось сходить в Труфановой на косачей. Когда белые завладели селом, кулаки припомнили Горохову его «прилирки» при заготовках леса и выступления на сходах после революции. Он был арестован, заключен в Мудьюжскую каторжную тюрьму, а позднее заложником увезен интервентами во Францию.

Встретились мы с ним поздней. Организатор и первый директор Архангельского лесотехнического института В. А. Горохов водил меня по кабинетам и аудиториям. Быстро шагая по этажам здания, которое строилось до революции для обучения поповских дочерей (епархиальное училище), но стало зданием советского института лесников, он говорил так же горячо и убежденно, как и прежде. Посеребренная мудьюжской и французской тюрьмами борода и ныне не старила человека с молодой душой, влюбленного в интересное большое дело.

— А помните наш разговор на Ежуге, — улыбувшись, сказал он. — Ведь вот какое время пришло! Для новых порядков в лесу готовим свои кадры! Вот здорово. Большевикам до всего хватает рук. И до северных лесов. А как же иначе, ведь все это теперь — наше!

Самый факт открытия в Архангельске лесотехнического института являлся проявлением заботы Советского правительства о нуждах лесного Севера. Первым директором института стал пинежский лесовод. Кстати сказать, и первым директором Маймаксанского гидролизного завода стал тоже пинежанин, бывший член губисполкома первого состава, Петр Блохин.

И как бы еще ни резали глаза многие неурядицы в лесу, то, что произошло в пинежских лесах за годы Советской власти, а особенно за два последние десятилетия в оснащении техникой, не может быть названо иначе, как революционным шагом.

Хозяином стал в лесу советский человек, который сбросил с себя кабалу кулаков, вербовавших бедноту в «артели» на лесозаготовки, изгнал из леса володиных и кыркаловых, избавил от хищнической эксплуатации и себя и свои леса. Хозяином стал советский человек, который прадедовские примитивные орудия заготовки леса заменил современной техникой, организовал в лесу механизированные предприятия, облегчил труд рабочих, создав для них нормальные бытовые условия.

Хозяйское чувство советского человека к своему лесу подметил прогрессивный американский журналист, неоднократно встречавшийся с В. И. Лениным, Альберт Рис Вильямс. В 1928 году он побывал в Пиринеми, Вегорах, Чаколе, плыл в

лодке от Карпогор до устья Покшеньги и поднимался вверх по этой реке. В пути Вильямс встречался с крестьянами-лесорубами. В очерке «С крестьянами в архангельских лесах» он привел такое высказывание крестьянина, обращенное к американцу: «Ты, голубчик, вот что запомни и своим скажи: это наши леса... Вы, иностранцы, вперед хотели заграбастать их с помощью ваших бомб и винтовок. Ничего из этого не вышло, а?.. А теперь, наверное, пробуете добиться этого хитростью?.. И из этого ничего не выйдет! Богаты мы лесами, что и говорить. Но если хотите получить от нас лесного материала, платите хорошую цену и принимайте наши условия...»¹

Да, это наши леса! Пинежский крестьянин еще три десятилетия назад поучал американцев торговле с Советской страной, мирному сосуществованию.

В НЕДРАХ ЗЕМЛИ

Пинега — лесной край. Огромны его лесные богатства.

Но чем еще богата пинежская земля?

Исторические материалы говорят о добыче железной руды в начале XVII века около деревни Хорнемы. Потом стали известны и были освоены богатые месторождения в других районах страны, и пинежская руда потеряла какое-либо значение. Теперь даже не верится, что на Пинеге в свое время была «металлургия».

До семидесятых годов прошлого века в Кулойском районе казна и купцы вываривали по восемь тысяч пудов соли в год. Позднее соль стали добывать в других местах России и гораздо более дешевым путем, чем на Севере, где соль получали, выпаривая соленую воду на огне.

В 1873 году купец Володин открыл около города Пинеги завод по выработке винного спирта из белого мха. Патент этого производства был куплен у шведского профессора. На заводе в год перерабатывалось сто двадцать тысяч пудов мха, который доставляли сюда с верховьев реки. На производстве

¹ Альберт Рис Вильямс. С крестьянами в архангельских лесах. «Известия», 1928, № 163.